

ЧЕРНОКНИЖНИК

МАКСИМ
ВОЙЛОШНИКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Максим Витальевич Войлошников
Чернокнижник
Серия «Исторические приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10966252

Чернокнижник: Вече; 2015
ISBN 978-5-4444-7518-8

Аннотация

XVIII век. Гавриил Лодья – найденыш, воспитанный семьей рыбаков-поморов, повзрослев, покидает приемных родителей и отправляется «в люди». Непреодолимая тяга к новому, к знаниям приводит его сначала в Петербург, а затем и в Европу, в землю Гессен-Дармштадтскую. Но познание наук скоро оборачивается неожиданной стороной. Оказывается, среди ученого люда полно тех, кто занимается магией и колдовством. Чернокнижникам приглянулся молодой, честолюбивый, смелый и сообразительный юноша, и Лодье предлагают тайную службу в обмен на великие знания...

Содержание

Глава 1. Гессен-Дармштадт	5
Глава 2. Наследник	6
Глава 3. Марбург	8
Глава 4. Философ	11
Глава 5. Рукопись	13
Глава 6. О чернокнижии	16
Глава 7. Сообщение	20
Глава 8. Молодая семья	22
Глава 9. Всадник без головы	24
Глава 10. Северянин	28
Глава 11. Ученичество	33
Глава 12. Киев	36
Глава 13. Лысая гора	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Максим Войлошников

Чернокнижник

© Войлошников М.В., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Глава 1. Гессен-Дармштадт

Сложенный из светло-коричневого камня, двухэтажный, увенчанный островерхими крышами замок Егерсбург стоял на холме, на краю леса, предназначенного для королевской охоты. Он располагался в двух третях немецкой мили или в четырех с половиной верстах на северо-запад от городишка Айнхаузен и в трех милях или более чем двадцати верстах на юг от Дармштадта, столицы ландграфства Гессен-Дармштадт. Неподалеку на востоке оканчивались отроги зеленых Оденвальдских холмов, прибежище пастухов. В нескольких верстах на западе струился Рейн. Уже началось дождливое лето 1739 года, но сейчас на улице было прохладно, время близилось к полуночи. Мерно звучали шаги часовых, охранявших покой семидесятилетнего старика, ландграфа Эрнста Людвиг. Внезапно по коридору второго этажа, где находились апартаменты Гессен-Дармштадтского правителя, пронесся дикий вопль. Лекарь и камердинер ландграфа, ближайšie караульные, лакеи и служанки – все кинулись в покои своего повелителя, предполагая самое страшное. И они не ошиблись. Неподвижный Эрнст-Людвиг в мятущемся свете ламп лежал боком на полу, в одной ночной сорочке, с прижатыми к груди скрюченными руками и выражением дикого ужаса на лице. Жидкие седые волосы были всклокочены, глаза вылезли из орбит, точно у повешенного, лицо потемнело. Но что же увидел старец в последний миг своей долгой и отнюдь не благочестивой жизни?

Распахнутые створки окна, обычно прикрывавшиеся на ночь, с легким скрипом покачивались от небольшого ветра. И хотя комната была пуста, вбежавшие туда первыми камердинер и часовой в один голос утверждали, что видели какую-то тень необычных, зловещих очертаний, исчезнувшую в окне. Должно быть, сквозняк, всколыхнувший занавеси и пламя светильников, сыграл дурную шутку с воображением свидетелей.

Но начальник ландграфской охраны, явившийся в последний раз исполнить свой долг перед ушедшим повелителем, осматривая покои, надолго задержался возле окна. И не то чтобы он обнаружил свисающий из-под подоконника канат или осколки выброшенной наружу склянки из-под яда. При свете фонаря он увидел на раме несколько параллельных глубоких – даже очень глубоких – царапин: следы, превосходящие величиной отметины, обычно оставляемые на дереве когтями бурого медведя.

Кто-то очень страшный вскарабкался по стене, влез в это окно, и одного только его вида, а может быть, и звуков, которые он издавал, хватило, чтобы слабое сердце старика не выдержало, и он в ужасе скончался...

Седоусый полковник вытер платком лоб, вмиг покрывшийся испариной, несмотря на ночную прохладу. Он как-то отстраненно подумал, что расточительный самодержец, любитель роскоши, театра, охоты, для пополнения казны обратившийся к алхимии и другим темным сторонам знания, возможно, сам заслужил такую кончину... И вряд ли расследование достигнет положительных результатов, как это всегда бывает в делах, где замешана мистика...

Суетились служанки, слуги, придворные и фрейлины, оказавшиеся в замке... А покойный ландграф лежал на постели, ко всему безучастный, с маской застывшего ужаса на лице, и трупное окоченение уже начало схватывать его члены...

Глава 2. Наследник

Оповещенный о печальном событии, на следующий же день прибыл наследник, к которому перешел по праву титул ландграфа, как старшему из сыновей. Принц Людвиг Гессен-Дармштадтский был худощавого сложения, на узком вытянутом лице оттопыривалась габсбургская нижняя губа. В отличие от отца, увлечения которого были разносторонними, он имел наибольшее пристрастие к охоте, за что впоследствии удостоился прозвища «охотничий ландграф» – благо, ныне покойный батюшка заложил достаточно замков и домиков, чтобы хватило сыну для увеселений. Кроме того, в эпоху войн при императрице Марии-Терезии он показал себя еще и как незаурядный генерал.

Людвигу сейчас было за сорок, и выглядел он далеко не молодо. Но в его роду правители отличались долголетием. И он мог надеяться, что впереди у него еще многие годы пребывания у власти... Наследник прискакал прямо с охоты, в охотничьем костюме, в окружении небольшой свиты. Войдя в опочивальню, на время ставшую усыпальницей его отца, он увидел сидящую в ногах покойного графиню фон Эпштейн, урожденную Луизу-Софию фон Шпигель, свою морганатическую мачеху, облаченную в траур. Луиза-София была ровесницей принца, и поскольку ее дочери не имели никакого отношения к вопросу престолонаследия, он относился к графине добродушно.

– Ваш батюшка, мой муж, скончался ночью, и к вам теперь переходит его титул... – сказала она вошедшему наследнику с выверенной печалью в голосе.

– Скорбный день, графиня, скорбный час... – отвечал он, приближаясь к траурному ложу. Людвиг вздрогнул, увидев посмертную гримасу отца, однако, перекрестившись, подошел и поцеловал покойника в лоб.

Между тем свита нового властителя Гессен-Дармштадта ожидала его внизу. Среди знатных господ в охотничьей одежде обращал на себя внимание высокий широкоплечий молодой человек в городском платье, синие глаза которого казались окружающим двумя кристаллами льда.

– Кто вы, сударь? – поинтересовался придворный, ранее никогда не встречавший его.

– Ich bin Gabriel Lodya, ein russischer Student von der Marburg Universität¹, – отвечал незнакомец на рафинированном немецком языке, не меняя невозмутимого выражения лица.

Каким образом один из ста двадцати университетских студентов, да еще иностранец, вознесся так высоко, что попал в свиту ландграфа? Это была загадка.

Все ожидающие нового правителя тихо переговаривались. Наконец он спустился, все такой же быстрый в движениях охотник. Его лицо не выражало особой печали – ясно было, что он заждался очереди на трон. Первый, к кому он подошел, был загадочный русский. Людвиг протянул руку студиязусу и крепко пожал его широкую ладонь, при этом на лице ландграфа отразилось волнение.

– Спасибо, мой молодой друг, за те волнующе-прекрасные минуты, которые дало мне твое участие в наших охотничьих развлечениях! Благодаря тебе мои познания в охоте необычно расширились, чего не могу сказать почти ни о ком другом из своих давних спутников! Но теперь мне предстоят государственные дела, и, увы, я не смогу уделять столько времени превосходным забавам святого Гумберта!²

– Да и я должен уделить внимание своим ученым занятиям и не смогу более сопровождать вас в увеселениях, ваша светлость! – отвечал студиязус, отвешивая неглубокий поклон ландграфу. – Итак, прощайте!

¹ Я, Гавриил Лодья, русский студент из Марбургского университета.

² Святой Гумберт – покровитель охотников.

Он вскочил без разбега в седло, ловкий, как хищник, и выехал со двора. Людвиг смотрел ему в спину, пока тот не исчез из виду. Те, кто перехватил его взгляд, прочли в нем не только некоторое сожаление, но и, к удивлению своему, немалое облегчение, какое, к примеру, ощущает досужий цирковой зритель, когда дрессированный медведь, ходящий без цепи, поворачивается к нему спиной. Впрочем, им не пришлось долго обдумывать увиденное – новый ландграф тут же приступил к исполнению своих обязанностей, и первое, что он приказал – послать гонца с печальным известием в Вену, к императору Карлу VI, с которым покойный Эрнст-Людвиг со времен войны за испанское наследство состоял не в лучших отношениях. Одним словом, в лице нового протестантского ландграфа католическая Вена приобрела деятельного во всех отношениях союзника. А вместе с Веной и ее союзница Россия.

Я, Гавриил Лодья, русский студент из Марбургского университета.

Святой Гумберт – покровитель охотников.

Глава 3. Марбург

Лодья пустил коня быстрой рысью по дороге на север. Временами он переходил на галоп, но затем вновь замедлял движение. Не остановившись в Дармштадте, он поехал по обширной плодородной равнине, в центре которой располагался имперский – то есть подчинявшийся не ландграфу, а императору, – богатый торговый город Франкфурт-на-Майне. На тех участках, где дорога шла лесом и было безлюдно, наездник ловко соскакивал с коня и, чтобы дать ему отдых, бежал рядом, держась за узду или за холку, что позволял ему высокий рост. Бежал он вровень с конем, со скоростью, превышавшей возможности обычного человека, что говорило о том, что русский студент – хорошо тренированный бегун. Мимо деревень и хуторов с остроконечными пряничными крышами он проезжал верхом, иногда пуская коня галопом.

Не задержался он и во Франкфурте и вечером проезжал уже Буцбахские леса. На полуночной дороге путь ему перегородили двое с пистолетами и, светя в лицо потайным фонарем, велели на грубом швабском диалекте слезать с коня и выворачивать карманы. Были это двое здоровых парней с маленькими глазками, низкими лбами и выпяченными подбородками – типичные немецкие бестии, и только шляпы, надвинутые на лоб, не позволяли различить, насколько они белокурые. И стояли они порознь, как опытные вояки, каких хватало в тогдашней Германии. Но будто гигантская темная птица слетела на них с коня, два глухих удара почти слились воедино, и два бездыханных тела остались дожидаться рассвета в дорожных лужах, их пистолеты же шаловливая фантазия великовозрастного студиязуса поместила сквозь прорехи в те места, которые для них не предназначались. Кошельки их перекичевали в карманы студента, вечно нуждавшегося в деньгах. Впрочем, очнувшись, они отнеслись ко всему произошедшему с ними как к обычным превратностям своего разбойного промысла.

Следующим утром, ни разу не передохнув, на усталом коне, преодолев сто тридцать верст, Лодья въезжал в университетский Марбург.

Город лежал в холмистой долине реки Лан. В XIII веке София Брабантская, дочь ландграфа Тюрингского и вдова герцога Брабантского, основала здесь свою резиденцию. Титул ландграфа обозначал независимого от герцогов правителя, чья власть была дарована самим императором. Ландграфы Тюрингии были наиболее известными из них, но в конце XIII века в результате войны с Брабантом их земли и титул унаследовали мейсенские маркграфы Веттины. Сыну Софии, Генриху I Дитя достался только Гессен. Башни его древней цитадели по сию пору господствовали над Марбургом. Когда Генрих навел в стране порядок, германский император утвердил титул ландграфа и за ним. С тех пор и пошли гессенские ландграфы.

Спустя два с лишним века после этих событий ландграф Филипп Великодушный, известный тем, что запретил на своих землях преследования ведьм, основал первый протестантский университет в зданиях бывших католических монастырей, расположенных на холме над Марбургом. По иронии судьбы, во францисканской школе в одном из этих монастырей обучался юный саксонец Мартин Лютер, будущий идеолог протестантизма. Ландграф Филипп поддержал его призыв к реформации церкви, впоследствии охватившей половину Германии. В 1529 году в этих же стенах произошел и спор Лютера о причастии с цюрихским пресвитерианином Цвингли, заложивший основы грядущей розни между лютеранами и более радикальными швейцарскими кальвинистами...

За прошедшие с тех пор еще два с лишним столетия университет приобрел известность не только как цитадель просвещения, но и как место, где нашли прибежище умы, далекие не только от религиозной ограниченности, но нередко и вообще от каких-либо

этических начал. Люди, посвятившие себя познанию не только нашей физической реальности, но и того, что находится по ту сторону, за гранью, отделяющей освещенный солнцем мир от иного, где царит мрак и вечно движутся зловещие тени. Достаточно сказать, что в 1586 году здесь некоторое время преподавал знаменитый ноланец³ Джордано Бруно, великий исследователь потусторонних материй, спустя полтора десятилетия после этого сожженный в Риме инквизицией за чернокнижие и деятельность в пользу враждебной католикам британской короны.

И ныне одним из профессоров университета являлся философ, ученик великого Лейбница, чей ум по своей мощи и глубине разнообразных познаний не только не уступал разуму Бруно, но и превосходил его...

Лодья ехал по кривым улочкам, и опрятные пряничные франконские дома выглядели вышедшими из старинных сказок.

Впрочем, старина Марбурга была отнюдь не пряничной – всего век тому назад кровь здесь лилась широкой рекой, совсем так же, как в не забытую еще эпоху Петра Великого в России. В XVI веке, после смерти ландграфа Филиппа, его дети разбили Гессен на четыре ландграфства. Одно из них, а именно Гессен-Марбург, и стало причиной вражды между двумя другими – Гессен-Дармштадтом и Гессен-Касселем. По завещанию последнего правителя Марбурга, княжество следовало разделить между двумя этими братскими землями. Но шла ужасная Тридцатилетняя война между испано-австрийской империей Габсбургов, с одной стороны, и протестантскими государствами Германии и опорой протестантизма – Швецией, поощряемыми Францией кардинала Ришелье, с другой.

Упертая кальвинистка Амалия Елизавета Ганау-Мюнценбергская, внучка Вильгельма I Оранского, первого независимого правителя протестантских Нидерландов, была вдовой гессен-кассельского ландграфа Вильгельма V и регентшей при Вильгельме VI, правнуке Филиппа. Она являлась верной союзницей протестантской Швеции, а затем и Франции. Ландграфиня решила, что не будет делиться с лютеранином – тоже протестантом, хотя и более умеренным! – Георгом II Дармштадским. И под занавес Тридцатилетней войны началась кровопролитнейшая Гессенская война, где Кассель победил. Во время этой войны в княжествах погибло две трети населения, и особенно опустошен был Марбург, который – какая ирония! – в конце концов⁴ после мирных переговоров отошел к Дармштадту. В итоге раздел княжества был произведен по завещанию его последнего правителя, и поэтому вся кровь лилась совершенно напрасно. После Тридцатилетней войны, поглотившей шесть миллионов человеческих жизней – половину населения Германии, в том числе две трети его на севере, в некоторых округах на несколько десятилетий официально было признано многоженство. И лишь недавно численность жителей Марбурга достигла уровня вековой давности – семи тысяч человек...

Оставив коня на городской конюшне, Лодья быстро дошел до основательного городского дома неподалеку от величественной протестантской кирхи. Он открыл дверь в этот дом не как квартирант, но как хозяин. Навстречу ему попала молодая светловолосая женщина, спускавшаяся со второго этажа.

– О, майн либе Габриель! – воскликнула она, кидаясь ему на грудь.

– Майне либе Кати! – отвечал он, страстно целуя ее.

– О, от тебя опять пахнет зверем! Так всегда после охоты! – говорила она, глядя его широкие плечи.

– Да, мы охотились на зверя, милая.

³ Уроженец южноитальянского города Нолы, близ Неаполя.

⁴ На самом деле Марбург как раз захватил Кассель, но автору удобнее считать, что это был Дармштадт.

– Но что случилось, мой дорогой, – ты приехал раньше. Не навлек ли ты на себя немилость наследника? – озабоченно спрашивала она.

– Нет, старый ландграф умер, и Людвиг стал правителем. Бедному студенту не место в его свите...

– Стало быть, ты сможешь больше учиться и быстрее станешь господином профессором!

– Да, Кати, – отвечал он. – Ты во всем видишь только перемены к лучшему!

Уроженец южноитальянского города Нолы, близ Неаполя.

На самом деле Марбург как раз захватил Кассель, но автору удобнее считать, что это был Дармштадт.

Глава 4. Философ

Лодья совсем немного пробыл со своей возлюбленной, дочерью домовладельца. Вскоре, умытый и переодевшийся, он бодро, будто не проскакал перед этим сотню с лишним верст, отправился в город. Над Марбургом господствовала зеленая Замковая гора. Некогда кто-то из старинных графов эпохи Каролингов, чье имя история не сохранила, построил на этом плато свое укрепление, на месте которого и возвела позднее пограничный замок, а затем резиденцию вдовая экс-герцогиня София. Лодья пошел к университету, оставляя замок по левую руку. Но на полпути он свернул и постучался в двери большого старого двухэтажного дома. Его впустила пожилая служанка. Этот дом снимал знаменитый Кристиан Вольф, философ, химик и математик, изгнанный из Прусского королевства за вольнодумство, чернокнижие и безбожие самим королем Фридрихом-Вильгельмом. Гневливый толстый коротышка король всегда был скор на решения: надоели вороватые цыгане – велел повесить всех их мужчин и перепороть всех женщин, и так и было сделано. И вот, посетив университет в Галле, про который давно ходили разные нелестные сплетни, король не стал выслушивать многомудрые туманные поучения силезского уроженца, нового властителя студенческих дум, а велел Вольфу в двадцать четыре часа покинуть Пруссию, если не хочет окончить жизнь в петле. У короля-фельдфебеля, строителя Пруссии, кумиром которого был русский царь Петр, слово с делом не расходилось, поэтому Вольф сел на коня и не останавливался, пока не пересек веймарскую границу. Для вящего спокойствия он перебрался подальше на запад – в Гессен-Дармштадт, где получил кафедру в Марбурге.

К настоящему времени Кристиану Вольфу, ученику знаменитого философа, математика и физика Лейбница, было около шестидесяти лет. Его высокое лицо, с могучим покатым лбом и мясистым носом, слегка обрюзгло, а фигура расплылась, но умный и проницательный взгляд по-прежнему тлел внутренним огнем, который с молодых лет толкал его в пучину самых безумных изысканий.

– Добрый день, учитель! – приветствовал Лодья своего наставника, входя в заваленный бумагами кабинет.

– А-а! Габриель,ходи! – приветливо кивнул старый философ, отрываясь от письменного стола, и Лодья уселся на грубо сколоченный стул напротив.

– Я пришел сказать, учитель, что срок моего пребывания здесь, по-видимому, истекает. Я вернулся из Дармштадта, прежнего ландграфа больше нет, на его место воссел наследник, и я не смогу уже составлять ему компанию на охоте. Моя учеба у вас тоже подошла к концу.

– Видимо, новое правление будет... удобнее для русской короны? – заметил Вольф. – Ходят слухи, что герцог Бирон, невенчанный муж императрицы Анны, хочет выдать свою дочь за сына нынешнего правителя, чему противился прежний старик ландграф?

– Да, разумеется. Как говорит мой покровитель, герцогу, как сторожевому псу, надо бросить хороший кусок, чтобы не рычал на новых хозяев...

– Ну что же! Он прав: все преходяще, мой друг, и императрица Анна тоже не вечна. Впрочем, похоже, чуя свой закат, она торопится окончательно уничтожить тех, кто может составить соперничество ее любимому Бирону. Ты знаешь, что извлечены из сибирской безвестности и казнены Долгорукие, некогда безуспешно пытавшиеся править из-за спины юноши Петра II. Да и твоему покровителю с его многочисленными талантами тоже стоит опасаться за свою жизнь, слишком ярким человеком он себя показал...

Помолчав, он продолжил:

– Вернемся к нашим делам. Скажу прямо: мне жаль терять такого ученика. Конечно, ученье проходило весьма быстро, с твоими-то талантами, когда ты за какие-то полгода заговорил, как на родном, на германском языке, затем на английском, голландском, француз-

ском, испанском, итальянском и греческом! Ты уже на третьем году делаешь такие химические опыты, к которым обычно подходят после десяти лет усердного занятия наукой, и это при всех твоих похождениях, отнимающих массу времени! А твой глубокий интерес к этой новой многообещающей силе – электричеству?! Здесь ты превзошел своего учителя, общаясь с голландскими кудесниками из Лейдена! Правда, говоря откровенно, последние полгода ты бил баклуши, проводя время на охоте с наследником. Но это не может быть тебе упреком, ведь наша учебная программа более чем выполнена. Я не буду перехваливать тебя, но считаю, что со временем ты станешь достойным соперником Роджера Бэкона, Джона Ди, и, возможно, даже приблизишься к великому Готфриду Лейбницу, моему незабвенному учителю!

– Уместно ли сравнивать невежу, не знавшего школы почти до двадцати лет, с гением, в детские годы без словаря прочитавшим «Историю Рима» Ливия на латинском языке, в четырнадцать поступившим в Лейпцигский университет, и на склоне лет создавшим машину, производящую сложные математические вычисления!

Эти слова слегка смутили Вольфа, он понял, что невольно задел самолюбие ученика.

– Между вами больше общего, чем ты полагаешь, мой друг, ибо Лейбниц по отцу был славянином, как и ты, – поторопился добавить философ, подслащая пилюлю. – Славянское племя выходит из умственной дремоты, чему и ты показатель. И я не хочу сказать, что ты, мой друг, в будущем не сравниешься с этим гением математики, хотя ты несколько чужд этой науки, но то, что твои способности в некоторой другой области не уступят способностям Джона Ди или Джордано Бруно, мне очевидно. Правда, ты почему-то не пожелал в должной мере развить их с моей помощью, хотя я был готов поделиться с тобой всем, что мне известно и в этой сфере...

– Благодарю вас, учитель, но я предпочитаю не надевать на свои природные способности узду и шоры системы, созданной слепцами, искавшими путь во мраке на ощупь.

– Ну, не такими уж слепцами они и были от рождения... О том же Бруно повествуют, что вовсе не случайно именно из Нолы, что расположена близ Неаполя, вышел тот, кто унаследовал древнее искусство магов Византии, прежде почти тысячу лет властвовавшей над этими землями... Однако, должен признать, что в каком-то смысле ты прав, ибо некоторые дарования твоей натуры весьма впечатляют, если не сказать – пугают...

При этих словах собеседник Вольфа сдавленно усмехнулся, и профессор вздрогнул.

– Вы говорили, учитель, что сможете сообщить мне некоторые факты, возможно, касающиеся меня, – сказал Гавриил. – Как будто они были почерпнуты вами из некоего зашифрованного источника, который удалось раскрыть?

– Конечно, мой друг! – отвечал Вольф, вынимая из ящика стола стопку пожелтевших листов, покрытых ровными латинскими строками, и пододвигая ее в сторону гостя. – Ты помнишь, что это и как было найдено с твоей помощью?

– Разумеется, учитель! – ответил Лодья и придвинулся ближе.

Он узнал эти листы, ведь он сам помог их обнаружить.

Глава 5. Рукопись

Примерно полгода назад, вскоре после Рождества, Кристиан Вольф вызвал ученика из России к себе домой.

– Дорогой друг! – сказал он, когда Гавриил, стряхнув снег со шляпы и башмаков, явился в его кабинет. – Только что я отправил очередной благоприятный отзыв о вас секретарю Российской академии наук господину Шумахеру, стараясь переломить его негативное отношение к русским студентам. Увы, должен согласиться, что некоторым, не столь одаренным природой представителям германского народа сложно бывает признать дарования иноплеменика, пусть даже он принадлежит к той нации, щедротами которой мой соотечественник кормится...

– Вы вызвали меня срочно, учитель. Что случилось? – спросил Лодья, не обратив внимания на сладкие речи Вольфа.

– Мне требуется твоя помощь, мой друг, – отвечал тот. – Я уже несколько лет разыскиваю одну старинную рукопись, которая, по всей вероятности, должна храниться где-то в стенах университета. Собственно, именно ее поиски были одной из причин, по которой я выбрал для пребывания Марбург. Однако лишь недавно мне удалось напасть на ее след: возможно, она находится в каком-то из старых монастырских подвалов, куда избегают заходить без лишней нужды. Но без твоей помощи, русский Геркулес, старому эпикурейцу вроде меня не справиться с тамошними завалами. Сегодня в университете почти нет людей, и нам не должны помешать в наших поисках. Мы возьмем два фонаря и лом и проникнем в подвал. Как ты на это смотришь?

– Не помешали бы рукавицы, – отвечал Лодья.

– Вот, я приготовил.

Вольф положил на стол пару грубых кожаных рукавиц, какими пользуются моряки и каменщики. Студент привычным движением засунул их за пояс. Через четверть часа они вышли из дома и направились в сторону университета. Было морозно, улицы выглядели пустынными. Смеркалось рано, и потому все старались побыстрее закончить дела вне дома.

Вскоре профессор и его ученик приблизились к старинному готическому зданию монастыря, украшенному башенками, и оно нависло над ними своей громадой. Зайдя за угол, Вольф снял меховую перчатку и постучал в боковую дверь. Отворил сторож в шерстяном колпаке, из-под которого торчали сальные волосы, подозрительно оглядел поздних гостей, узнав профессора, угодливо поклонился.

– Я решил воспользоваться тем, что сегодня свободна лаборатория, и посвятить время обучению, – поспешил оправдать свое появление в неурочный час профессор.

Они прошли сумрачным высоким монастырским коридором. На другом его конце, перед неприметной дверью, обитой железными полосами, Вольф остановился. Он добыл из недр мехового кафтана ржавый ключ, вставил в замочную скважину и повернул. Старинный замок открылся без всякого скрипа – вероятно, как догадался Гавриил, он был смазан заранее. Лодья с помощью огнива затеплил фонари, и мужчины, проскользнув в дверь, прикрыли ее за собой. Там находилась небольшая площадка, откуда вниз, во тьму, спускалась пологая лестница с полустертыми ступенями – несомненно, ровесница старинного здания. Они сошли по ней, оказавшись на полу из каменных плит, возможно, еще помнивших воинов восточнофранкского короля. Кругом громоздились какие-то ящики, бочонки и просто кучи всяческих припасов. Подвал был обширным и тянулся вдоль всего здания, разделенный рядом поддерживающих сводчатый потолок столбов. Лампы светили слабо, в углах таились тени. Исследователи шли в дальний конец подвала, и шаги их звучали тихо.

Постепенно нагромождения свежих припасов окончились, вдоль прохода возвышались только горы хлама, ибо в университете было меньше людей, нежели некогда жили в монастыре, и во многих вещах пропала нужда. Вскоре Лодье, отличавшемуся гораздо лучшим слухом, нежели профессор, почудилось, что их шаги сопровождаются еще чьими-то, шуршащими, доносящимися из тьмы. Некие существа, извечные обитатели мрака, когда-то были привлечены в древнее строение неблагочестивыми изысканиями некоторых его насельников, и с той поры обосновались в его недрах. Однако это ни в коей мере не беспокоило Гавриила. Наконец они приблизились к торцевой стене подвала и по знаку Вольфа повернули налево за массивную квадратную колонну.

Они остановились перед стеной, профессор поднес к ней фонарь, и они увидели торчащую наперекосья плиту, размером более аршина.

– В этом месте, вероятно, с монастырских времен находился тайник, – сказал Вольф. – Плита вращалась на каменных шипах. Но во время Тридцатилетней войны университет был razорен, в подвале несколько лет простояла затекшая туда вода. От этого стена слегка осела и зажала шарниры. Теперь тайник, которым воспользовались за полвека до того, невозможно отпереть обычным способом. Мне удалось лишь немного подвинуть плиту.

– Что же, приступим, – сказал Лодье.

Он взял стальной лом и с силой вонзил в щель между плитой, прикрывающей тайник, и стеной. Когда эхо удара стихло, он погасил свой светильник, снял кафтан, башмаки и теплые панталоны и, берясь за рубаху, продолжил:

– Вам, профессор, лучше отойти за колонну и затушить фонарь, чтобы не мешать мне работать с этим камнем.

Вольф поспешно отошел за квадратный каменный столб и задул лампу. Из закутка, где остался Лодье, послышалось сопение, скрежет металла по камню и рычание, вырвавшееся из горла юноши от величайшего напряжения. Рычание становилось все громче, пока не превратилось в глухой звериный рев, точно там ворочался медведь. Вольф в испуге зажал уши. Затем раздался страшный грохот, и все стихло. Прошло около минуты. Потом из темноты донесся совершенно спокойный голос Лодьи:

– Прошу сюда, господин профессор!

Вольф поспешно щелкнул колесцовым кресалом и, когда фитиль затеплился, вернулся в закуток. Его студент уже спокойно одевался. На полу лежала плита, толщиной более фута, один угол ее раскрошился. Рядом валялся лом толщиной в два больших пальца, согнутый под прямым углом. Сила, которая это совершила, была поистине нечеловеческой. Профессор поднес лампу к тайнику. Двухдюймовые каменные шипы, на которых вращалась некогда плита, были сорваны. Тайник, как видно, предназначавшийся для монастырских ценностей, был достаточно просторен, и прямо в центре его лежал большой плоский кожаный сверток, от которого шел слабый запах тления. Забыв обо всем, Вольф поставил фонарь на землю и схватил сверток – на том почти не было пыли. Он поспешно развернул заско-рузлую кожу, с трудом поддававшуюся, и обнаружил неповрежденную большую стопку слежавшихся листов, покрытых ровными строками разборчивой латинской рукописи. Он сразу узнал почерк. Да, это написал тот человек. Вольф достиг желаемого. Профессор поспешно завернул рукопись и прижал ее к груди.

– Цель достигнута, мы можем идти.

– Хорошо, – отвечал его студент, застегиваясь и поднимая с земли фонарь и согнутый лом.

Обратный путь они проделали в молчании, и на этот раз чуткое ухо Лодьи не различало шуршащих шагов подземных обитателей тьмы. Однажды, столетие тому назад, когда бывшее монастырское здание почти опустело из-за войны и голода, в безлунную ночь они сумели вырваться наружу из своих неведомых нор в недрах земли и отыскать весьма немно-

гочисленных жителей университета... На несколько лет величественное строение сделалось мертвым, отпугивая пустотой редких прохожих, пока не пришли сюда новые насельники, не убрали пожелтевшие, обглоданные острыми зубами исчадий тьмы кости предшественников и не возродили университет. Но подвал оставался местом, где создания тьмы еще имели силу, и поэтому мало кто из людей рисковал заходить в самую глубь. Однако в эту ночь что-то распугало зловещих обитателей тьмы, заставив их прятаться по щелям в их собственном царстве.

Глава 6. О чернокнижии

Эта глава посвящена чернокнижию. Читатель поймет нас, ведь мы должны объяснить, что это такое, прежде чем продвигаться дальше.

Люди с самой незапамятной древности знали, что кроме земного мира существует еще мир иной, отделенный от нашего незримой преградой, некоторые его обитатели могут одним своим видом довести до безумия неподготовленного человека. Этот мир мы называем миром демонов, а в древние времена человек, который склонен был преклоняться перед тем, что грозит ему уничтожением, называл кое-кого из них богами. Однако они не всемогущи, тем более в своем мире, подчиняясь его законам, которые отличны от законов нашего вещного мира, но столь же незыблемы. Пытливый человеческий разум издревле искал способ использовать сущности и законы того мира, сопричастные к нашему, пронизывающие его подобно ветру, проходящему сквозь лес и заставляющему шуметь деревья. У некоторых людей такое получалось. Как? Многие не могли этого объяснить, что в конце концов и приводило кое-кого из них ко вполне закономерному концу, какой постигает, например, неумелого морехода, пытающегося оседлать бурю. Мечтою многих долгое время было найти безошибочные способы воздействия на тот мир, но поиски чаще всего велись интуитивно. С развитием общества и знаний, когда появились философия, астрология, алхимия и другие науки, ученые мужи испытали соблазн: помимо законов нашего, вещного мира, изучить и законы того, запрещенного церковью, иерархии которой предпочитали сознательно закрывать глаза, лишь бы не видеть то, что не согласовывалось не только с догмами вероучения, но и со всем опытом человечества.

Вначале этим занятиям всерьез посвящали себя лишь богатые люди, ибо только они могли в те времена подняться над общим уровнем знаний благодаря наилучшему возможному тогда образованию и имевшемуся у них досугу, который все другие должны были отдать рутине борьбы за выживание. Примером тому были лорд-канцлер сэра Френсис Бэкон, или принадлежавший к датской королевской фамилии Тихо Браге, или потомок шотландских королей и русский фельдмаршал Яков Брюс. Особенно это сказывалось в те переломные моменты истории, когда только эти люди имели возможность искать срочно требующиеся человечеству ответы, тогда как остальные были вынуждены просто спасать свою жизнь. С другой стороны, нет сомнений, что их глубокие познания помогали им в подъеме к вершинам власти. Однако по мере медленного продвижения во тьму выяснилось, что с трудом накопленных знаний недостаточно: необходимо еще родиться пригодным к этому делу. Поэтому то, что выходило иногда у невежественных деревенских колдунов, было невозможным, а то и опасным для просвещенных мужей, поднаторевших в изучении мира теней. По-видимому, дело было в некоем сродстве с тем чуждым миром, созвучии с его законами, которое одни по какой-то причине имели, а другие были такового лишены. Именно подобными историями и навеяно средневековое предание «Ученик чародея», в котором рассказано, к каким печальным последствиям приводит использование знаний о законах иного мира человеком, не рожденным для их употребления. Характерно, что предание это родилось в Англии, ученые мужи которой были наиболее последовательны и упорны в постижении тайных законов иного мира, и благодаря мудрому решению короля Генриха VIII, ограничившего свою страну от влияния непримиримой к колдовству католической церкви, заняли высокое положение и обеспечивали всемерную защиту высших государственных интересов.

Судя по всему, это предание навеяно трагической историей французского маршала Жилия де Монморанси-Лавалья, барона де Рэ, сподвижника Жанны д'Арк в борьбе за освобождение страны от англичан. Драматическая гибель Жилия де Рэ, произошедшая от его неспособности укротить темные силы, которые он так неосмотрительно вызвал, наверное, поро-

дила волну разговоров в Англии, увязшей в жестокой Столетней войне с Францией. Жиль де Рэ был ярким врагом англичан, и в одном из исторических анналов упоминается о том, что вовсе не случайно в его руки попала роковая рукопись «*Epistola de secretis operibus artis et magiaе*» знаменитого Роджера Бэкона, который умер за полтора века до этого, после чего многие его рукописи были преданы церковному проклятию. Сблaзн обратиться к темным силам оказался непреодолимым для промотавшегося на войне аристократа, на что и рассчитывали его английские недоброжелатели...

Впрочем, французы не преминули отплатить англичанам жуткой сказкой «Синяя борода» о правителе, борода которого каждый раз синела, когда он убивал жену. Сказка посвящена то ли почитаемому островитянами веселому королю Генриху VIII, который рубил женам головы, – однако изменение цвета королевской бороды с рыжего на иной свидетелями не упомянуто; то ли союзнику его дочери Елизаветы, русскому царю Ивану IV Грозному, для казни жен избиравшему более разнообразные методы – однако, поскольку он каждый раз удалялся с верными опричниками на всюнощную отмаливать грех, то в темноте цветковые превращения его бороды невозможно было заметить.

Одним из основоположников научного чернокнижия, то есть способности осмыслить полученные знания и передать их другим, без сомнения, является римлянин Тит Лукреций Кар, в книге «*De rerum natura*», а может быть, и в изустных советах которого его старший современник Гай Юлий Цезарь позаимствовал способы, как обезвредить могущественных, но чуждых письменного слова галльских магов – друидов, и без помех завоевать Галлию. Этот впечатляющий урок был по достоинству оценен последующими правителями.

Однако вскоре наступили темные века, когда место вымерших от эпидемий, голода и резни городских умников заняли деревенские, которые ничем не могли обогатить науку, чернокнижие или иные отрасли умственной человеческой деятельности. В эту эпоху существовал даже официальный запрет на обвинения в колдовстве, ибо для тогдашних правителей была очевидна неспособность их подданных к такому делу.

Наконец, очень нескоро, общество вновь достигло того уровня, когда пытливые умы получили опору для деятельности. Были найдены древние манускрипты, открылись возможности совершить новые шаги. Из громких имен того времени можно назвать, к примеру, многоумного константинопольского патриарха IX века Иоанна VII Грамматика, яркого представителя неоднозначной эпохи иконоборчества – в Византии чернокнижие не поощрялось, но и не подвергалось гонениям. Или перса XI столетия Омара Хайяма с его трактатом «О всеобщности бытия», посвященным многообразным отношениям дэвов и гулей с людьми; а из первых европейских – уроженцев XIII столетия, ибо давление хорошо разработанных церковных догм тормозило развитие темной науки в Европе гораздо сильнее, чем архаичные запреты шарията, – англичанина Роджера Бэкона с его «*Secretum Secretorum, Tractatus trium verborum et Speculum Secretorum*» и уже упоминавшимся «*Epistola de secretis operibus artis et magiaе*», и шваба Альберта Великого с его алхимическими трудами «*Summa de creaturis*» и «*De causis et processu universitatis*», а также каталонца Раймонда Луллия, прозванного «*doctor illuminatus*» за его алхимические опыты. Впрочем, скорее всего, последний был адептом, лишенным главного дара, поскольку смерть в Тунисе от рук исламских фанатиков свидетельствует о его неспособности защитить даже самого себя, не говоря уже о чем-то большем. Однако написанного им при жизни оказалось вполне достаточно для того, чтобы орден доминиканцев, строго следивший за соблюдением догматов, впоследствии бешено сопротивлялся попыткам канонизации его как мученика.

Но именно с некими действиями Луллия или с его преждевременной гибелью некоторые связывают разразившийся в тот же год в Западной Европе Великий голод⁵, от кото-

⁵ 1315–1317 годы.

рого вымерло до четверти одних горожан, а сколько крестьян – никто не считал. Этот голод, а затем и Великая чума в середине XIV века, когда вымерло еще от трети до половины населения, явили собой страшный вызов, на который не могла не стать ответом величайшая концентрация всех возможных усилий на работе по расширению знаний в области чернокнижия. Но эти события поставили вопрос и о высочайшей ответственности чернокнижников за свои поступки, ибо стало ясно, хоть и столь дорогой ценой, к чему могут привести игры с Гаммельнской дудочкой, заманивающей в город крыс, среди которых обязательно найдутся зверьки, пораженные чумными блохами, кем-то более злокозненным предусмотрительно подсаженными...

С другой стороны, некоторые города чума обошла – и люди сведущие понимали, что это не случайность – было кому об этом позаботиться, и значит, работа там велась небесполезно для общества...

Существовала, правда, еще одна точка зрения на эту ужасную катастрофу, распространенная среди ограниченного круга лиц, наиболее осведомленных. Она утверждала, что значительная часть населения Европы к тому времени была уже заражена редкой африканской болезнью, которая проявлялась в виде необычно участвовавшей проказы, трахомы и других обычных заболеваний Средневековья. И, в конечном счете, все население Европы должно было вымереть. Таков был замысел восточных колдунов, заразивших этой болезнью участников первых крестовых походов – с целью отомстить и прекратить натиск европейцев на ислам. Но чума, вызревшая на крысах, стекавшихся в города, подобно безжалостному садовнику или хирургу, выколола все хоть сколько-нибудь пораженные организмы. И после чудовищной чистки Европа уцелела... Ученые грядущего, изучая унаследованные от предков свойства организмов современных людей Европы, смогут подтвердить или опровергнуть последнюю версию.

В следующем веке, когда континент только оправился от бедствий, хоть и ценою потери значительной части науки и культуры, на Западе прозвучали имена широко известные, и прежде всего немецкие: баденский уроженец, доктор Иоганн Георг Фауст, которому покровительствовал имперский рыцарь Франц фон Зикенген, друг еще одного колдуна – рыцаря Геца фон Берлихингена по прозвищу «Железная рука»; Генрих Корнелиус Агриппа, с его «*De incertitudine et vanitate scientiarum*» и «*De Occulta Philosophia*»; отдаленный потомок франкских воинов и этрусских колдунов Козимо Медичи Старый, основатель могущества флорентийских Медичи, породнившихся с королями; наконец, тайный адепт чернокнижия инквизитор Генрих Крамер Инститорис с его «*Malleus Maleficarum*», уводящим подозрение от подлинных чернокнижников в сторону слабых и беззащитных женщин, на которых и сосредоточились впоследствии усилия германской инквизиции. Католическая церковь, увы, слишком поздно заметив пагубность этого порождения извращенного ума, внесла книгу в список запрещенных. Наоборот, ее высоко оценили англичане, которые в основном ее и переиздавали.

Ведь именно в Англии родились многие подлинные искатели запретного знания, достойные нового великого XVI века и получившие широкую известность как ученые мужи: Френсис Бэкон с его «*Novum idolum*»; потомок кельтских друидов, валлиец Джон Ди, подытоживший свои исследования в «*Monas hieroglyphica*», посвященной геометрической магии; Томас Хэрриот, известный изучением магических начал Нового Света. В Лондоне нашли убежище от гнета папской инквизиции и итальянцы – Джироламо Кардано и Джордано Бруно, последователь Луллия, автор «*Lampas triginta statuarum*», «*Camœracensis Acrotismus*», «*De innumerabilibus, immenso, et infigurabili*» и множества иных трудов.

Однако и на континенте многие известные деятели Просвещения в том великом веке занимались чернокнижием, более или менее успешно: знаменитый Тихо Браге, двадцать лет проводивший исследования звездных миров в городе-обсерватории Ураниборге на острове

у берегов Дании, а затем нашедший прибежище в Праге при дворе германского императора Рудольфа II, покровителя чернокнижия, но и там настигнутый и отравленный новым датским королем, приходившимся ему внебрачным сыном; Герард Меркатор, открывший на поверхности Земли сеть магических меридианов, и другие славные мужи...

Словом, чем дальше развивалась человеческая цивилизация, тем глубже становились знания в области чернокнижия, ибо все новые изобретения помогали исследовать все большие участки непознанного как здесь, так и там, за гранью неназываемого. Но одно правило сохранялось неизменным: их всегда было очень мало, ибо не часто встречаются в одном человеке и прирожденный талант прикоснуться к потустороннему, и достойное этого дара обучение. Гораздо больше людей, желавших сопричастия, оставались усердными адептами.

Были такие и в славянских странах – например, некий пан Твардовский, обитавший на холме возле древнего королевского Кракова и не подвергавшийся особенным преследованиям в католической Польше.

В России же, напротив, хотя чернокнижником был, например, сам царь Иоанн Грозный, и неслучайно – он был потомком византийских императоров, унаследовавшим их тайны, – державший при себе и одного из опасных адептов своей эпохи – Алоизиуса Бомелия, но признание, позволявшее предаваться этому занятию безнаказанно, наступило только при Петре Великом, для которого в достижении целей любые средства были хороши...

Глава 7. Сообщение

– Итак, одна из целей моего пребывания в Марбурге была с твоей помощью достигнута, – сказал Вольф.

– Так что же это? – спросил Лодья с любопытством, разглядывая старинную рукопись. Латинские строки были очень четкими, рука писавшего их – тверда.

– «*Essentia tenebrarum*» – «Суть Мрака» – книга, написанная Джордано Бруно в тысяча пятьсот восемьдесят шестом году, когда он пребывал в стенах этого университета. В ту пору он достиг своего наивысшего могущества в тех делах, о которых мы не говорим вслух при непосвященных. Но когда намек о существовании этой рукописи просочился за стены университетской кельи, великому ноланцу пришлось настолько поспешно покинуть пределы Марбурга, что он вынужден был бросить даже необходимое для ремесла волхвования и заклятий. Некоторые предметы и книги уже нельзя было восполнить, и потому, не в силах удовлетворить ожиданий германских князей и пытаясь заработать на жизнь, он и оказался в конце концов в Венеции, откуда и был выдан римской инквизиции на смерть... Рукопись эта считалась утерянной, но я не верил в это, ибо предметы, наделенные такой силой, сами не исчезают, и годами искал ее следы в университетской библиотеке и архиве. Пока не нашел наконец упоминание о старинном монастырском тайнике. И вот я достиг цели! Она не была утрачена во времена Тридцатилетней войны, как многое другое, и я обнаружил эту рукопись! Она – само великолепие! Каждое слово исполнено смысла, каждая латинская фраза полна пугающих истин – пугающих, даже я не стесняюсь этого слова! – Вольф нежно погладил старинный кодекс. – Я смогу с ее помощью достигнуть гораздо большего, чем прежде, и уже кое-чего достиг, стоя на плечах у этого исполина, используя то, что обнаружил в иных его творениях!

– Я рад, что вам улыбнулась удача, учитель. Но умоляю вас не принимать бечевку с камнем, брошенную во тьму, за поводок, на котором можно вытянуть оттуда кого угодно и поведать им! – сказал Лодья, и голос его стал серьезен. – Я не хотел бы, чтобы вы повторили злосчастную судьбу доктора Фауста.

– Да, ты прав, мой друг! – отвечал престарелый чернокнижник, сбавляя пафос. – Но я уже миновал те года, когда готов был прозакладывать душу за переменчивые приманки нашего мира. А вечной жизни, увы, я знаю, достичь не удалось никому из посвященных, сколь бы могущественны они ни были. Оно и к лучшему, ибо достигни такого кто-нибудь из магов древности, кто знает, насколько тщательно выпалывал бы он ростки возможного соперничества?

– Благодаря вам, учитель, я припал к самым истокам современных наук и испил довольно, чтобы самому без боязни идти вперед, – сказал Лодья. – Однако чаяния, кои на меня возлагают, призывают дополнить теорию практикой горного дела. Я должен отправляться во Фрейберг, изучать саксонские свинцово-медные рудники и производство на близлежащих саксонских мануфактурах и заводах. Ведь, как вам известно, в Россию почти все товары завозятся извне, и надобно начинать хоть что-то делать самим кроме пеньки и чугуна!

– Да, это будет полезно, имея в виду практическую деятельность. А что касается Фрейбергских рудников, то там руда, содержащая и золото, нередко связана с мышьяковистыми соединениями, в частности, арсенопиритом, поэтому наши с тобой опыты окажутся тебе весьма полезны... Что ты хочешь спросить? – он заметил, что у ученика на языке вертится какой-то вопрос.

– Вы говорили, что нашли кое-что, какие-то упоминания о предметах, для меня интересных?

– Да, несколько интересных пассажей я нашел в «*Essentia tenebrarum*». Смотри, здесь Бруно пишет, – Вольф взял со стола лист бумаги, на который перенес, вероятно, некоторые абзацы из рукописи ноланца, – «Этих людей еще называют Сынами Тьмы. Их порождают холод и тьма Севера, и короли Викингов боялись их, как о том пишут летописи Англичан. Обычно они имеют светлые волосы и светлые глаза, как и многие северяне. Хроники смутно указывают на характер их способностей, но они значительны. Правители Европы порой искали их помощи против Норманнов, бича Божьего. Но не всегда могли найти их, особенно если предшествующие десятилетия были теплыми. Говорят, Сыны Тьмы – одни из тех, кто двигает наш мир».

– Интересно, – задумчиво промолвил Лодья.

Меж тем Вольф продолжал, и, судя по всему, это были уже его собственные заключения:

– Благодаря Галилео Галилею появились телескоп и термоскоп, из последнего возник термометр. Мы смогли одновременно фиксировать изменения, происходящие в небе, и те, что имеют место на земле. Солнце – вот самая могущественная сила в нашей системе. Когда на его огненном диске являются пятна, оно греет землю жарче. И наоборот. Только недавно, может быть, десятка два лет назад, закончилась эпоха, длившаяся шесть десятилетий, в которую солнечный диск был девственно-чист, а землю сковывала стужа. Эта эпоха холода и тьмы достигла максимума незадолго перед своим окончанием, лет тридцать тому назад. И если искать время, наилучшее, с моей точки зрения, для рождения Сына Тьмы, то именно тогда... Но существуют ли они, эти Сыны Тьмы, и если да, то в чем их суть? – вот как я могу сформулировать свой вопрос!

Вольф отложил в сторону исписанный лист. Лодья о чем-то задумался. Потом он поднялся и стал прощаться. Уже у двери Вольф сказал ему:

– Послушай, Габриель! С твоими дарованиями ты мог бы найти себе место у значительного европейского государя, особенно если он молод и у него существуют различные виды на будущее... В то время как в России твоя судьба слишком зависит от чужой прихоти, а почва для науки слишком камениста и неудобрена... Ведь ваша академия – это всего лишь прививка плодового черенка к могучему дикому дубу.

– Благодарю, герр Вольф, я понял, о чем вы, – кивнул Лодья. – Во многом вы правы. Но пока, во всяком случае, я хочу следовать духу нашей национальной поговорки: «Где родился, там и пригодился». Именно я могу быть одним из тех, кто вспашет и удобрит русскую целину для развития отечественной науки...

Глава 8. Молодая семья

Лодья, выйдя от Вольфа, не сразу направился в свой дом. Он завернул в переулок и постучал в другое бюргерское жилище, украшенное вывеской сапожника. Открыла косматая бабища – сожительница домохозяина.

– А-а, господин студент! – сразу расплылась она в добродушной ухмылке. – Ваш блюститель нынче отсыпается. Хорошая у него жизнь, вам скажу! С утра принял и весь день свободен!

– Я все-таки пройду к нему. Я нынче по делам учебы уезжаю в Саксонию, следует его предупредить.

Он прошел в небольшую комнату в задней части дома. Когда русский студент открыл дверь, в нос емушибанул крепчайший запах сивухи. Распластавшись на низкой кровати, храпел небольшого роста человек с монголоидными чертами лица. Как сказали бы немцы – «русский казак». На самом деле, Семен Мишарин, как говорила об этом его фамилия, происходил из небольшой народности мишарей, отатаренных угров из приокских и башкирских земель, ценимых в России за преданность царям. В чем немцы отчасти были правы – мишари давно стали военным сословием, в правах приравненным к казакам.

На столе, рядом с пустым винным штофом, лежали покрытый каракулями лист бумаги и перо с отгрызенным концом. Заглянув в бумагу, Гавриил понял, что это «отписка» академическому начальству в Санкт-Петербург. В ней, скупко похвалив прилежание русского товарища Лодьи в учебе в Марбурге, студенческий «дядька» расписывал «художества» самого этого великовозрастного оболтуса.

«Аз, раб Божий Семка, пишу вам о безобразиях, чинимых надзираемым Лодьей». Далее сообщал он, что вместо того, чтобы дни и ночи проводить в университетских лабораториях и библиотеке, оный Гавриил в основном обретался в кабаках, неоднократно дрался с пьяными обывателями, солдатами и полицией, но сам никогда не был бит, а всегда выходил победителем. Нередко отлучался он и в столицу ландграфства, город Дармштадт, для совершения разных бесчинств. Там, как поговаривают, русский студент завел знакомства не по чину и частенько пропадал на охоте в обществе сына дармштадтского ландграфа, Людвига, завязанного Нимрода, который был в восторге от охотничьих талантов молодого богатыря. Когда же надзиратель, дабы дать наставления, являлся в университетскую лабораторию, где изредка бывал Лодья, тот неизменно злокозненно проводил какие-то химические опыты, производящие чрезвычайно вонючий белый дым, от которого Мишарину приходилось поспешно спасаться бегством, вместо того, чтобы давать соответствующее внушение поднадзорному. Словом, картина вырисовывалась далеко не благостная. Высказывалось мнение, что Лодья к ученому делу не пригоден, но можно за знание языков определить его толмачом в Иностранную коллегию.

Едкая усмешка мелькнула на лице Гавриила, он проворно окунул перо в чернильницу и дополнил донос, легко подделавшись под почерк Мишарина: «Се аз дурак Семка спьяну выдумал, а вы дураки всему поверите». И подписался: «Злой татарин, С. Мишарин». Он глянул на пьяного и, не будя его, вышел вон. Проспавшийся блюститель либо долго будет гадать, что заставило его написать последние строки, либо, если, не глядя, запечатает свою писанину, неминуемо приведет в оторопь своего санкт-петербургского корреспондента.

Теперь только вернулся он в свой дом. Его Катя снова бросилась ему на грудь, роняя бессвязные немецкие слова, перемежаемые редкими русскими. Она искренне любила этого славянского богатыря, сочетавшего в себе дикарскую необузданность нрава и необычный ум и так глубоко и естественно усвоившего ее родные германские обычаи.

Кати принялась хлопотать с обедом. Вскоре за столом сидели четверо: молодой русский, его юная жена, ее отец – седоусый немецкий бюргер, род которого с XVI века обитал в Марбурге, чем он весьма гордился, и его печальная супруга. Герр Шмидт не был недоволен выбором дочери. Конечно, русский студюзуз был не вовсе юн, но это значит, что он крепко станет на ноги. Разумеется, он находил нынешние высокие знакомства Габриеля претенциозными и не слишком перспективными, потому что в Германии простолудин никогда не станет другом знатной особе. Но он, как ему казалось, по достоинству оценивал ум русского: немного времени пройдет, как тот достигнет вершин на избранной стезе – а господа профессора на равных могут быть с каким-нибудь фрайхерром⁶. Лодья же, по его мнению, по своим талантам мог сделаться и академиком, да и не простым, а главным: председатель же академии – особа, близкая к венценосцу... Правда, простоватый бюргер того не принимал в расчет, что в России именно такую особу и назначают заведовать Академией наук, а не наоборот.

– Дочь сказала мне, что ты покидаешь нас, Габриель? Надолго ли? – спросил почтенный бюргер своего зятя, закуривая трубку.

– Увы, я должен закончить практическую часть своего обучения. Для этого я еду на саксонские рудники, во Фрейберг. Там у меня будет учителем один почтенный горный мастер, известный химик. Думаю, учеба займет не менее года.

– Кати беременна, ты знаешь?

– Да. И мне надо крепко стать на ноги к тому времени, как ребенок начнет подрастать. Я вернусь, не переживайте. Я ее люблю. Но ехать мне необходимо.

Казалось бы, о чем идет речь – расстояние немногим более трехсот верст по прямой? Но это было уже иное германское государство – курфюршество Саксонское.

– Будь осторожен, проезжая Тюрингский лес. Говорят, там, в Саксонии, пошаливают разбойники...

– Разумеется! – еле заметно улыбнувшись, отвечал Лодья.

Он не стал объяснять, что грозит разбойникам, если они будут иметь несчастье повстречаться ему на большой дороге. Вчерашняя добыча привела его к мысли, что разбойники могут оказаться наиболее надежным источником денег для бедного чужеземца.

Молодая жена собрала своего любимого в дорогу, он приласкал ее на прощание и собиравшись рано утром ехать.

Как ни странно, но позднее именно с пребыванием Лодьи в Марбургском университете связывали возникновение полтора века спустя так называемой марбургской философской школы. Это течение философской мысли отрицало конечную познаваемость мира и утверждало устами виднейших своих представителей, что за гранью уже познанного всегда скрываются некие знания, все еще недоступные человеческому уму. И иногда предметы совсем не такие, какими кажутся внешнему наблюдателю...

Вольный господин, немецкий барон, низший титул знати, выше обычного рейтара-рыцаря.

⁶ Вольный господин, немецкий барон, низший титул знати, выше обычного рейтара-рыцаря.

Глава 9. Всадник без головы

– Не советую вам ехать ночью через наш лес, – заметил бородатый трактирщик.

Трактир, или гастхауз по-немецки, располагался в старинном городке Бад-Херсфельд, который был почти на пятьсот лет старше Марбурга. Вначале тут вырос бенедиктинский монастырь, позднее он превратился в процветающее аббатство, которое и дало начало самому городку. Но во времена позднего Средневековья горожане взяли за оружие и избавились от монастырской опеки. С тех пор город вел провинциальную жизнь, которая обрвалась во время Тридцатилетней войны, нанесшей страшные раны, едва зарубцевавшиеся к настоящему времени.

Над городом возвышались темные, поросшие елью и грабом склоны Тюрингского леса, пограничного с Саксонией.

– Вашему коню тоже требуется отдохнуть.

– Ничего, я пойду пешком и дам ему отдых.

– Ночью, говорят, там можно встретиться с тем, с кем вам бы не хотелось, – настаивал трактирщик.

– С разбойниками? – в голосе проезжего не прозвучало должного опасения.

– Нет. Это само собой. Но они, скорее всего, просто оберут вас, если вы будете благомысленны. Или даже отобьются, если их будет мало, а вы крепко дружите со шпагой. Нет. С ним!

– С кем? – проезжий был заинтригован.

– С безголовым, вот с кем! – выпалил трактирщик.

– А кто это? – удивился путник.

– Сразу видно, что вы неместный! – сказал трактирщик. – Это проклятие наших мест. Говорят, он не одну сотню лет бродит ночами по лесу. Черный всадник на черном коне. Никто не знает, кто он был – возможно, его убили в Тридцатилетнюю войну, а может, в Крестьянскую, а может, еще когда. Но ходят слухи, что это сам дьявол! И встречи с ним никто не пережил. Он наводил ужас в старину, потом затаился. А недавно вернулся снова! Люди пропадают, и никто не возвращается!

– Я все же рискну.

Богатырски сложенный путник, а это был Лодья, поднялся из-за стола, накинул плащ – становилось прохладно с приближением вечера – и пошел к конюшине, где отдыхал его конь, с которым они нынче с утра проделали сотню верст из Марбурга.

– Удачи вам тогда, молодой удалец! – напоследок крикнул трактирщик.

Ночь вступила в свои права, распахнув крылья над Тюрингским лесом. По дороге, поднимавшейся среди темной чащи, двигались человек и конь. Вот дорога выровнялась, лес поредел, и путник оказался на поляне недалеко от перевала. Внезапно что-то шевельнулось среди деревьев, встревоженный конь захрапел, но человек продолжал вести его железной рукой вперед. От лесной тени отделилась темная фигура верхового. Он сам казался тенью, и немудрено, потому что был облачен в черное и восседал на вороном скакуне. Конь его был ужасающе худ, представлялось даже, что лунный свет кое-где просвечивает сквозь его бока! Во всаднике тоже виделось нечто необычное. Он выглядел пониже, чем обычный верховой, потому что у него не было головы!

Однако что-то, заменявшее ее, у него имелось, потому что во мраке ночи прозвучал замогильный голос, говоривший на немецком языке.

– Стой на месте, путник, и отвечай на мой вопрос! Или твоя жизнь станет расплатой!

В лунном свете сверкнул рыцарский меч. Меч был старый, со щербинами на лезвии, но хорошо заточен.

– Постой! Позволь мне тоже задать тебе вопрос: кто ты и почему ты здесь? – ответил полуночный путник, не обращая внимания на бешеное хрипение пытающегося вырваться у него из рук коня.

– Меня звали Флориан Гейер, мне дали прозвище Черный рыцарь, враг Бога, – ответил безглавый всадник. – Когда народ Германии, возмущенный новыми поборами и повинностями, поднялся против князей и церкви, я встал во главе крестьянского войска. Мы захватывали замки и монастыри. Я стремился меньше лить крови, и вел переговоры с рыцарями и горожанами. Но мы потерпели поражение. Изгнанный горожанами, я направился на север. По дороге, во время сна, я был заколот, обезглавлен и ограблен двумя предателями.

– Таков удел тех, кто пытается встать меж двух враждебных сил, Флориан. Они всегда гибнут. Теперь твой вопрос.

Пока шла эта беседа, путник успел привязать своего коня к прочной ветви дерева, и руки его остались свободны.

– Где мне найти, чтобы покарать за предательство, моего родича Вильгельма фон Грумбаха, слуги которого убили меня по его приказу и забрали мою голову?! Отвечай, или умрешь!

Вознесенный меч сверкнул в лучах луны.

– Две с лишним сотни лет минуло с той поры! Думаю, ты найдешь его у себя дома, там, откуда приходишь!

Неуловимым движением путник внезапно оказался на коне позади мертвого рыцаря. Хребет лошадиного скелета впился ему в зад сквозь истлевшую попону, но он не обратил на это внимания. И мертвый всадник почувствовал, если неживой может чувствовать, словно стальной обруч сжал его локти, не давая возможности воспользоваться ни мечом, ни коротким катсбалгером ландскнехта, висевшем на другом его боку.

– Кто ты такой?! – прорычал мертвец.

– Какое это имеет значение? Поехали домой, Черный рыцарь!

Всадник повернул коня и понесся сквозь заросли деревьев и кустов прямо в чащу, пытаясь сбросить непрошеного седока, но тот держался, несмотря на удары ветвей. Вскоре они подскакали к огромному грабу, между корней которого темнела пещера. Именно туда ринулся, не останавливаясь, мертвый конный рыцарь. В этой темной пещере он и исчез через секунду, намереваясь прихватить в подземный мир своего нежеланного попутчика. Но тот с ловкостью кошки успел соскочить с мертвого коня, приземлившись на все четыре конечности, да еще в левой руке у него оказался прихваченный с пояса всадника катсбалгер – короткий меч с двухфутовым толстым лезвием, закругленным на конце, и S-образной крестовиной. «Кошкодер» являлся излюбленным оружием ландскнехтов для рубки врукопашную, когда уже не годятся ни копья, ни двуручные мечи. На диске, венчавшем расширяющуюся к концу рукоятку, можно было различить напаянную букву G – «Geyer».

Лодья – а это был он – встал, отряхнулся и пошел в обратную сторону. Катсбалгер он держал под мышкой, и это было куда более пригодное оружие, чем шпага, болтавшаяся на его боку. Напоследок оглядевшись, он различил на нижних ветвях дерева множество черепов – похоже, мертвый рыцарь безуспешно пытался заместить свою голову чужими.

Когда через полчаса путник вышел на поляну, коня там не было, несмотря на то, что привязан был он крепко. Лодья опустился на колени в том месте, где он стоял, и принюхался. Обоняние у него было необычайно острым, и он уловил, что конь не ушел сам – его увел человек в смазанных дегтем сапогах. Он поднялся и, определив направление, куда удалился конокрад, зашагал следом. Двигался он бесшумно, как кошка. Вскоре он увидел бревенчатую хижину углежога. Правда, уголь тут, кажется, давно не выжигали. Украденный конь стоял смирно, привязанный к коновязи. В окошке светился желтый огонь.

Лодья вошел в дверь без стука, благо она была лишь приперта колом, который сломался, как тростинка. На постели валялся здоровый детина в начищенных сапогах. Его потрепанный синий прусский мундир болтался на колышке, вбитом в стену, на другом колышке висели карабин и сабля. Однако, судя по их виду, они давно не подвергались проверке начальства. Рядом с хозяином хижины стояла на полу полупустая бутылка водки: судя по всему, пили прямо из горлышка.

– Кого я вижу, егеря Его Величества прусского короля! – сказал незванный гость.

– Ах ты!

Хозяин, в волосах которого кое-где проглядывала седина, вскочил с постели, и в руках его оказался средневековый корделач – сабля-меч с закрытой гардой, которую сто лет тому назад использовала франкфуртская фехтовальная школа «Марковы братья». Это был очень хороший меч, но массивный катсбалгер в руке пришельца остановил его разящий удар, а добрый пинок в грудь впечатал пруссака в бревенчатую стену с такой силой, что он потерял и саблю, и дыхание, и пришел в себя только пару минут спустя, полностью обезоруженный.

– Итак, что мы видим? – сказал незванный гость, открывая сундучок с изображением креста на крышке, стоявший в головах кровати. – Голова Гейера спрятана в сундучок, стенки которого заполнены святой водой. Естественно, что закоренелый безбожник не может ее разглядеть. Он выходит на охоту и рубит голову первому встречному. Ему пользы нет, но кое-кто наследует безвременно усопшему... Не так ли? Это высшая проба разбоя! Вся хижина забита товаром! Кто же придумал этот остроумный номер? Как его зовут?

Лодья достал из сундучка череп, на котором сохранились светлые волосы и пышная светлая борода, и водрузил его на стол.

– Я, Фриц Грумбах, придумал это, – гордо отвечал детина, потирая раскалывающуюся от боли голову.

– Фриц, но вряд ли ты на старости лет самостоятельно решил заняться гробокопанием? Похоже, что прусский король ищет мертвые кости и рассылает за ними людей, не так ли?

– Это его наследник, мой тезка, маленький принц-гаденыш, как мы его зовем. Он – чертов коварный некромант и собирает кости всех покойных героев Германии, чтобы они помогли ему в его планах, которые он лелеет на будущее. Когда я уезжал по его поручению, он отправлял людей на Рейн, чтобы они отыскиали ему кости Арминия, вождя херусков, победителя римлян в Тевтобургском лесу. Я тогда еще посоветовал ему раздобыть кости знаменитого предводителя ландскнехтов, Йорга фон Фрундсберга...

– Давно ты здесь, Фриц?

– Уже год.

– Рассудил, что чем тащить кости к королю, пускай мертвец поработает на тебя?

– Да.

– Остроумно, – одобрительно кивнул гость. – А считал, сколько людей погибло?

– Нет, – нагло отвечал пруссак. – Не я тут первый. Когда-то слуги моего предка забрали голову мертвеца, и он бродил тут, неприкаянный, сея ужас и смерть. Потом ее наконец вернули покойнику в могилу, и все прекратилось. Так что я просто использовал чужой опыт... Разумеется, о местонахождении этой могилы знали только мои предки, и это было частью моего наследства...

Стена дома содрогнулась от громового удара, раздалось дикое ржание напуганного коня, рвавшегося с привязи.

– Знаешь, друг, за тобой, кажется, пришли, – заметил Лодья. – Похоже, мертвец почуял теперь свою голову. Счастливо оставаться со своим родственником!

Он схватил со стола набитый кошелек разбойника, вынес раму и выпрыгнул через окошко. Когда он обежал дом и уже подходил к своему коню, из хижины раздался страшный крик ужаса.

– Вот и встретились родственнички. Похоже, прусский наследник все-таки останется без помощи мертвого Флориана Гейера!

Лодья пришпорил коня...

Глава 10. Северянин

Было начало короткого северного лета 1718 года. Россия изнемогала, уже два десятилетия ведя тяжелую, хотя и победоносную теперь Северную войну, которая во всем остальном мире называлась войной за испанское наследство. То было время, когда царь Петр I пробивал очередную дыру в санитарном кордоне, которым «схизматическое» государство московитов было предусмотрительно обнесено благонамеренными католическими соседями. Но окрыленного победами царя заносило и на юг, в результате таких авантюр Россия теряла и то, что приобрела еще до шведской войны. Люди, деньги – все уходило в небытие с пугающей быстротой...

Волны холодного Белого моря плескались о низкий берег Жижигина острова, лежащего в пяти верстах от полуострова Летнего наволока, который делит между собой Онежскую и Двинскую губы. Безлесный Жижигин остров имеет три версты длиной и похож на карте на диковинного морского зверя, повернутого носом к горлу Белого моря. На нем есть пресноводное озерко.

Архангельские зверопромышленники высадились на острове на дневку. Но не успели они вытащить лодки, как увидели идущего к ним истощенного человека. Охотники удивились, потому что сюда трудники Соловецкого монастыря ездили на сенокос обычно месяцем позднее. После разговора с неизвестным мужиком выяснилась драматическая история.

Крестьянин с Терского (Северного) берега Белого моря, из селения Великие Юрики, Степан Лодья решил от нужды податься на юг, ближе к Архангельску. С ним были его жена Василиса и их восьмилетний сынишка Гавриил. Однако ветер отогнал лодку на запад, она разбилась у острова, при этом погибло все имущество и сами они еле выбрались. Уже несколько дней семья голодала на Жижигине, хорошо, что вода была. Степан привел к промышленникам своих домашних. Мальчишка оказался на удивление крепким и рослым для своих лет, а вот жена Лодьи была совсем истощена невзгодами.

Промышленники отвезли потерпевших кораблекрушение в Архангельск и передали на их иждивение городским властям.

Архангельск – это город на болотах, протянувшийся длинной полосой вдоль Северной Двины. Подвалов тут нет, потому что их зальет. Когда выходишь из дому, первое, что приковывает взгляд, – бескрайняя серая лента неторопливой реки. Северная Двина. Она и дала жизнь городу, когда на закате своего правления царь Иван Грозный, поняв, что завоевание балтийского окна в Европу не свершилось при его жизни, решил обустроить ход через заднюю дверь.

Люди на севере были нужны, поэтому следовало проявить заботу. Снисходя к бедственному положению крестьянина, архангельский воевода выделил землю на постройку дома в селении на Летнем берегу, близ двинского устья, и малую толику на обзаведение хозяйством, о чем в архиве осталась грамота. Крестьянин тут же принялся за обустройство, с топором он, как северянин, дружил. Семья ему помогала, как могла. Вскоре вырос неказистый, но прочный домишко.

К сожалению, жена Лодьи отчего-то постоянно грустила и, устав от невзгод, недолго прожила в новом доме. Тогда Степан женился на местной уроженке, которая, правду сказать, не очень любила пасынка.

Судя по отзыву губного старосты, дошедшему до потомков, в дальнейшем Лодья оказался оборотистым промышленником и храбрым мореходом – недаром он прежде обитал на Терском берегу, всегда связанном с морским промыслом. Довольно быстро он обжился здесь и, арендовав лодку, стал ходить на рыбалку. С ним же плавал и его сын, парнишка не по годам крепкий и ловкий. Они не раз уходили из Белого в студеное Баренцево море,

все дальше и дальше, неизменно возвращаясь с богатой добычей. Соседи с некоторой завистью посмеивались:

– Будто ворожит тебе кто, Степан!

– У нас, у Лодий, глаз вострой! – отсмеивался он. – Да и сынок баский растет, глазастой!

Уже давно была у них и своя промысловая лодка, а несколько лет спустя, хваткий ко всему новому, Степан Лодья построил первый на Белом море гукер, быстроходное и маневренное мелкосидящее двухмачтовое рыбацкое судно, какие издавна мастерили голландцы. Гукер он назвал «Святой Гавриил», в честь небесного покровителя, по которому было дано имя и его первенцу. На гукере он ходил к Мурманску, северному берегу Кольского полуострова и в Норвегию. Сын у Степана оказался очень способным, легко освоил норвежский язык и выступал переводчиком при торговых сделках отца с потомками викингов.

Однажды гукер Лодьи пришел с грузом шкур и пеньки в городок Варангерботн, лежащий в глубине Варангерфьорда, чей зев открыт прямо на полуостров Рыбачий. Неслучайно городок и фьорд носили это имя, исстари народ там обитал мореходный, суровый и разбойный, хотя нынче местные купцы вроде бы твердо стояли на честной торговле. Русские промышленники удачно совершили сделку и по доброму обычаю решили обмыть ее в местном кабаке. Пятнадцатилетнему Гавриилу, хотя и выглядевшему на пару лет старше, поручили охранять судно, в то время как его отец и остальные отправились отмечать свой успех.

Однако не все местные жители занимались честной торговлей. Неприкаянной молодежи частенько не хватало денег на выпивку и девок. И вот кто-то в такой компании шалопаев, уже подогретых спиртным, вспомнил, что в эту ночь на русском гукере будет только один поморский паренек.

Как раз этим вечером старый певец, наследник скальдов грозной эпохи викингов, пел им ту часть Королевской саги, в которой повествовалось о могучем Торице Собаке, о его плавании к богатым землям какого-то короля на реке Вине – так называли в ту пору Северную Двину. Викинг славно пограбил в святилищах бьярмов, которые не были славянами – в ту пору эту землю заселяли финские, пермские племена, чья кровь течет теперь в светловолосых поморах. Однако их король узнал о грабителях и ринулся за ними в погоню. И храбрые викинги Торица бросились наутек, теряя добычу. Они успели вскочить на корабли и уйти в Белое море. Только тогда они почувствовали себя в безопасности. Но и здесь с ними случилось что-то, унесшее жизни многих людей Торица, тем не менее вернувшегося домой с богатой добычей...

Шалопаи вообразили себя достойными своих грозных предков. К сожалению, они забыли о второй части мрачной саги... Вооружившись топорами и подбадривая друг друга, они вшестером сели в лодку и в темноте погребли на тусклый свет фонаря на борту русского суденышка. Вот они без шума причалили и, крадучись, поднялись на борт гукера. Самый храбрый из них, подняв топор, блеснувший в лунном свете, проник в рубку, где русский недотепа читал какую-то книжку – кажется, «Математику» Магницкого...

Больше этих молодцев никто не видел. Местные власти, которые наскоро расследовали дело, решили в конце концов, что исчезнувшие шалопаи попали в мощное отливное течение, которое вынесло их лодчонку прямо на скалы... Во всяком случае, именно на камнях у отвесной стены фьорда была найдена пара сломанных шлюпочных весел – все, что осталось от лодки и ее незадачливых пассажиров. Высказывания некоторых обывателей о том, что русский паренек мог справиться в одиночку с полудюжиной здоровенных молодцев не самых мирных занятий, вызывали саркастическую ухмылку у большинства варангерботнов. Правда, кто-то из припозднившихся гуляк слышал на русском судне рычание и утверждал, что это был медвежий рев. Но ни медведя, ни даже обычной собаки при осмотре не обнаружилось.

Пару месяцев спустя, когда гукер Лодьи давно уже был в Архангельске, море выбросило на прибрежные камни выцветшую тряпку – кусок штанины, в которой запутались два обломка берцовой кости взрослого мужчины. По мнению опытного охотника, видевшего ее, толстая кость была, точно спичка, перекушена зубами крупного хищника. Кто был обладатель той ноги, так и не узнали, но морская вода обычно уничтожает человеческие останки несколько месяцев, так что он погиб не слишком давно. Во всяком случае, буйные викинги в Варангерботне больше не предпринимали попыток ограбить русских мореходов.

Позднее, через пару лет, во времена ли еще Екатерины I или уже Петра II, холодный северок занес в Белое море английский корабль, шедший в полярные моря. Близ Соловков с ним и повстречался гукер Лодьи.

Путь в Белое море, в Архангельск, был проторен английским штурманом Ричардом Ченслером во времена Иоанна IV Грозного, искавшего связи с заморскими странами. Некоторое время спустя, после прибытия иноземного корабля на Северную Двину, два других таких же судна были найдены замерзшими у Кольского побережья, и весь их экипаж во главе с начальником той самой экспедиции, Хью Уиллоби, представлял собой мерзлые трупы. Никто не скажет за давностью лет, что помешало англичанам разобрать судно на дрова и продержаться какое-то время в живых, обогреваясь у костров? Почему они умерли, если у них была теплая одежда и запасы еды? Среди зимы их обнаружили оленеводы, о чем и донесли русскому начальству.

С другой стороны, можно поставить вопрос и по-иному: кто помог мореплавателю Ченслеру достигнуть живым русских поселений и не разделить печальную судьбу его компаньонов по торговой экспедиции? Просторы Севера всегда были полны тайн, неразрешенных из-за их отдаленности и безлюдья...

И вот теперь иноземное торговое судно вынесло почти к самым опасным берегам Соловков. Мореплаватели обрадовались встреченным промышленникам и пытались с ними говорить, но те не знали языка, равно как не было толмача и у англичан. К счастью, отец вспомнил давно подмеченный талант сына и кликнул его:

– Гаврюшка, ну-ка, попробуй, поболтай с иноземцами!

Смышленный Гавриил и здесь сумел выручить отца – послушав речь иноземцев, убедился, что она похожа чем-то на норвежскую – оба языка германские, – и вскоре сам кое-как заговорил на их наречии. Он с пятого на десятое перевел им советы старшего Лодьи, как дойти в Архангельск и выйти обратно через узкое горло Белого моря.

– И в кого ты такой, Гаврюшка, в папаню, поди! – льстивым голосом говорила мачеха, наливая в миску щи и умильно глядя на отца, от которого узнала эту историю.

– Да нет, не в меня – ведь Гаврюшка у меня приемыш! – отвечал отец. – Нашли-то его у погоста, говорить еще не умел, Василиса, жена, была бездетная, так взяли к себе. А кто его настоящий батька – Бог ведает!

После той встречи с аглицкими мореманами парень загрустил и не раз выражал вслух желание выучиться всяким наукам и повидать дальние страны. Но отец знал только работу, промысел, и никуда сына учиться не посылал. Спасибо, что соседский дьячок несколько лет тому назад выучил мальчишку хоть грамоте и арифметике.

Лодья-старший был человек рискованный, своего старался не упустить. И хотя везло ему, не раз команда попадала в тяжелое положение, иногда по случайности, а нередко из-за того, что хозяин стремился как можно полнее использовать промысловое время. И вот однажды поздней осенью их затерло льдами на ладье близ голого каменистого островка. Быстро подступившие льдины, пригнанные голомянным ветром, отрезали все пути. Промышленники сразу поняли, что везение закончилось. Обычно во время вынужденной зимовки во льдах люди гибли из-за холода, голода и цинги. Тогда в поминовение о них дома ставили памятные кресты, на которых были вырезаны имена тех, кто не вернулся в родное село.

Вот и в эту зиму в семьях ушедших в море промышленников воцарились тревога и печаль.

Решиться идти на матерый берег пешком по морскому льду мог только человек, не боявшийся умереть в ледяной трещине, которые раскрывались при любом движении льдов, точно голодная пасть, поджидающая жертву. Не страшившийся застрять перед непроходимой полыней или заблудиться и замерзнуть в снежной заверти. Такие люди редки. Не было отчаянных и среди пропавших в этот раз добытчиков: все они – обычные поморские мужики.

Однако произошло чудо: еще до Рождества люди Лодья вышли на родной берег из самого сердца снежной заверти. К спасшимся неведомым образом поморам односельчане сразу пристали с расспросами. И выяснилось, что тем бесстрашным, который таки вывел всех этих людей к берегу, оказался молодой Гавриил Лодья. Как только льды обступили их, он сразу все понял и сказал:

– Двум смертям не бывать, а на зимовке нам встречи с косой гостьей не миновать! Еды мало, друг друга глотать станем! Пойдем навстречу судьбе сами!

И, увлеченные его даром убеждения, сделав снегоступы из досок, поморы пошли безропотно за ним на верную смерть, в ледяную пустыню. Продуктов не могло хватить и на половину дороги, но они двинулись. Точно звериным чутьем, молодой Лодья находил путь среди трещин и торосов, иногда уходя вперед, затем возвращаясь и ведя всех дальше, в обход бескрайних полыней. Вначале для переправы тащили с собой малый челнок, но потом сил не стало, и его бросили. Ночевали в снегу, сбившись в кучу и зарывшись в сугробы возле вздыбленных торосов. Еда закончилась на полдороге, вскоре началась метель, затрещал лед. Тут все поняли, что пришел конец. Но молодого Лодья никто не упрекал: конец один, и отчего его встречать, сидючи на месте, без борьбы?

Гавриил ушел в метель, казалось, навсегда. Но через несколько часов он возник из снежной заверти, с нечеловеческой силой волоча тушу громадного тюленя, сверху частью объединенную.

Промышленники ринулись к убоине, стали срезать сырое мясо, воняющее рыбой, и пожирать его. Так он спас всех от голода. Гавриил сказал, что убил тюленя в полынье, и пока шел, отрезал куски и ел. При виде такой сверхъестественной удачи и силы промышленники стали украдкой креститься.

Но зоркий Степан Лодья один заметил, что, уходя, сын не взял промысловой рога-тины. Да и тюлень был не ножом покровсан, а загрызен и объеден каким-то зверем. А здесь, на льду, такой зверь мог быть только один – белый медведь. И он, не сожрав половины туши, добычу добром не отдаст... Не дрался же Гавриил за тюленя с медведем?

Так и продвигались они дальше, и еще пару раз ходил молодой Лодья на охоту и неизменно приволакивал добычу. И вел их иногда сквозь злую метель-заверть, когда «матка» – поморский компас, бешено вращал стрелку, показывая зенит и надир вместо севера и юга; вел без ошибки, нечеловеческим чутьем. Пока, наконец, не показались им береговые валы и не выбрались они на твердую землю.

Когда вышли к людям, один Гавриил, вероятно, по выносливой молодости сохранял здоровый вид – остальные его спутники были сильно истощены и обморожены. Но все до одного промышленники добрались живыми – и никто не отрицал в том единоличной заслуги молодого Лодья. Только почему-то после этого похода спасшиеся замолчали, когда при них называли имя их спасителя. Они никогда более с ним не общались, и ничего о нем не говорили, и на уста их точно накладывался замок, когда этих людей спрашивали об их чудесном вызволении из ледяного плена. И даже сторонние люди замечали, что и отец-Лодья стал как-то отчужденно относиться к своему сыну.

Именно тогда, видя, что в родных краях жизни уже не будет и все станут впредь на него коситься, молодой Лодья и задумал отправиться на учебу в Москву. Он каким-то неведомым путем получил паспорт в воеводской канцелярии, собрал немудреные вещички и двинулся в первопрестольную вслед за рыбным караваном, ушедшим накануне. Домой он более не возвращался.

Глава 11. Ученичество

Караванщики сообщили в отписке начальству, что Лодья догнал их на следующий день. Если произвести расчет, выходит, что он одолел пешком по снегу восемьдесят верст. Они отмечали, что на протяжении всего пути он в основном кормился охотой, добывая в зимней тайге всякую дичь и беря у караванщиков лишь немного хлеба в долг. Под Вологдой, во время метели, он их покинул, уйдя вперед, и в результате обогнал своих спутников на целую неделю. В январе 1731 года, в возрасте девятнадцати лет, Гавриил явился в Москву.

В ту пору в Санкт-Петербурге, после нескольких правителей, сменявшихся раз в два года, крепко села на трон самовольная и дикая племянница Петра Великого, царица Анна Иоанновна. С новым правлением тогда связывались разнообразные надежды, позднее далеко не во всем оправдавшиеся.

В Москве единственным гражданским учебным заведением была Славяно-греко-латинская академия, расположенная в особом здании в Заиконоспасском монастыре близ Кремля. Однако поступить туда могли только мальчики из привилегированных сословий. Крестьянское звание такого права не давало. Лодья направился напрямик к ректору московского училища архимандриту Герману Концевичу. Что ему Гавриил сказал – достоверно неизвестно, но он был немедленно принят в одну из школ академии. Может быть, он представлялся внебрачным ребенком кого-то из сильных мира сего, посещавших Архангельск вместе с Петром I?

Малолетние шкеты, сидевшие в одном классе с поморским верзилой, хихикали в кулак при виде дяди, которому пора жениться, а он зубрит науки. Впрочем, привыкнуть к нему они не успевали, потому что восьмилетний курс обучения он освоил за пару лет, ведя к тому же не особо благочинную жизнь и немало времени проводя в чтении книг вовсе не священного направления.

В частности, он пожелал заниматься в библиотеке Якова Брюса, остатки которой еще хранились в Сухаревой башне, где на третьем этаже помещались московские классы Навигацкой школы. Большая их часть была переведена в новую столицу, а основатель школы и ее первый начальник, Яков Виллимович Брюс, вскоре после смерти своего патрона Петра Великого съехал в подмосковную усадьбу Глинки, где сидел безвылазно.

Яков Брюс, чей давний предок был королем Шотландии, в то время был известен в России как могущественный чернокнижник. Именно он, как ближайший сподвижник царя, был весьма важной причиной того, что Петровская Россия воевала за британские интересы, не получая никакой помощи от Лондона, за исключением той кадровой и технологической поддержки, которую оказывал царю голландский домен нового английского короля Вильгельма. Ведь до того, как захватить корону Великобритании, принцу Вильгельму Оранскому в результате различных интриг удалось заполучить пост штатгальтера Нидерландов, который его предки занимали первые сто лет независимости.

Именно Брюс сумел так напугать наследников воинственного Карла XII на Ништадтских переговорах, что мир по итогам Северной войны был подписан ими на чрезвычайно выгодных для России условиях: Прибалтика была навеки продана русским. Как этими правами распорядились далекие потомки Петра – иной вопрос.

Однако спасти Петра I от отравления приближенными он не смог, и при его преемниках, узурпировавших власть и знавших, чего можно ждать от «чертова колдуна», ему пришлось удалиться от двора. Для правительства же Британии, которому опасен стал царь Петр, глубоко запустивший руку в Германию, жадный Меншиков и недалекая Екатерина I были надежнее. А рожденный в России своенравный шотландец слишком тесно был связан с мертвым царем и со всем его политическим наследием.

Итак, Лодья с письмом от ректора Славяно-греко-латинской академии явился к начальству классов в Сухаревой башне, находившейся в паре верст от его собственной альма-матер в Заиконоспасском монастыре. Башня, громадою возвышавшаяся над бревенчатыми домами и даже старой стеной Китай-города, выглядела мрачной пришелицей из средневековой Европы в посконную Россию, напоминая тамошние городские ратуши с каланчами. Казалось, воздвигнувшая ее власть не имела пределов. Рассказывали, что именно Брюс предложил поднять надвратное строение высокой башней. И Лодья почувствовал рядом с ней нечто...

Слонявшиеся во дворе школяры, со дня на день ожидавшие посвящения в гардемарины – а некоторые, по тупости своей, в пехотные сержанты, – решили дать чужаку понять, что ему не место среди шляхетной молодежи. Без лишних предисловий, вдесятером они начали кулаками объяснять ему здешние правила, но он прервал их и успешно объяснил им свои, отличавшиеся редкой незыблемостью, так что мало кто из них не облобызал родную землю, да не по разу. Начальство, с интересом наблюдавшее с балюстрады третьего этажа за происходящим внизу, подивилось такому крепкому рвению к наукам и позволило двадцатилетнему олуху изучить то, что за ненадобностью или по иным причинам оставил Брюс на полупустых полках в своей башне.

Через неделю, когда Лодья успел проглядеть уже почти все, его вызвал к себе начальник классов и сказал:

– Его сиятельство генерал-фельдмаршал Брюс желает тебя видеть. Иди к нему.

В соседней комнате на деревянном стуле сидел пожилой мужчина в расшитом старомодном кафтане, рядом лежала шляпа с пышным плюмажем. Лицо мужчины было суровым и властным – ликом воина и мыслителя. Если бы Гавриилу довелось видеть столетней давности портреты вождей гражданской смуты в Англии во времена Кромвеля, сидящий перед ним человек напомнил бы одного из них. Отец Брюса был сторонником короля, и ему пришлось бежать от преследования лорда-протектора...

Брюс вперил взгляд в лицо вошедшего.

– Ты занимаешься с моими книгами? – задал он вопрос стоящему перед ним парню.

– Я.

Брюс пристально взгляделся в синие глаза великовозрастного школяра, и вдруг... Не почудилось ли ему? Точно два бездонных водоворота и одновременно два ледяных айсберга притянули его к себе. Ай, да ну! Нет! Патриарх российского чернокнижия не мог ошибиться.

– Ступай в мой возок, молодой человек! Поедем ко мне в поместье, там поговорим без спешки. Думаю, ты способный парень, и из тебя может выйти толк, – сказал он, поднимаясь, кивнул начальнику школы, надел шляпу и пошел к выходу.

Внизу отставного генерал-фельдмаршала ждала карета с кожаным верхом. Гавриил сел напротив хозяина, тот хлопнул ладонью по крыше, и подрессоренный возок тотчас тронулся. Возница гикнул, и они понеслись, распугивая московских обывателей.

Усадьба лежала более чем в тридцати верстах на юго-восток от Москвы. Была поздняя весна, и обочина подсохшей дороги пестрела цветами. Ухабистая дорога заняла не менее двух часов и прошла в молчании. Старый генерал углубился в свои мысли и не обращал внимания на спутника. Наконец они подъехали к усадьбе, и экипаж вкатился в ворота.

Двухэтажный особняк Брюса стоял на берегу пруда. Покинув карету, отставной генерал знаком велел Гавриилу идти за ним на крыльцо, и только когда они поднялись в кабинет и хозяин уселся в свое кресло, он разомкнул уста.

– Садись, – он кивнул на стоящий напротив табурет. – Ты с Севера?

– Да, ваше сиятельство. Из-под города Архангельска.

– Север... Север... Немало загадок он таит. Может быть, участникам начавшейся Северной экспедиции удастся найти часть ответов... – проговорил Брюс задумчиво. – Петр Великий на сие надеялся.

– Что могут узнать простые моряки, кроме внешних очертаний местности и берегов, ваше сиятельство? И то будет подвиг. Даже те, кто жили там прежде русских, не в силах проникнуть в самую глубь тайны... – заметил Лодья.

– Ты прав, молодой человек. Но, может быть, ты скажешь мне нечто новое? Что ты помнишь о своем детстве, откуда взялся твой дар, о котором я догадываюсь? Есть ли тому у тебя объяснение? Может быть, ты можешь пролить свет на то, когда на севере зародилась эта неведомая сила?

– Воспоминания о детстве смутны. Слышал я от родителя, что был подкинут и усыновлен за бездетностью жены моего отца. Не помню ничего, кроме того, как в отрочестве познал ту способность, о которой ты говоришь, и она, вместе с недюжинной силой, укрепила во мне стремления и таланты к познанию мира... От оленных ненцев, обитающих к полуночи, у Канина носа, слышал я, что тысячи лет назад, когда, наверное, еще греки, наставники человечества, ходили в зверином, а может, и ранее того, появилась ненадолго в небе синяя звезда, точно Господне око, пристально направленное на землю, и в те времена стало возможно, что прежде было невероятно... И соединялось несоединимое, и разделялось прежде единое. И в те поры, говорили они, и появились люди с синими, как небеса, глазами и светлыми, как снег, волосами... Но не русские, и не финны, а еще раньше...

– Не слышал я такого предания, – промолвил Брюс. – Но о синей звезде сохранилась память кое-где, что сияла она над миром, соперничая с главными светилами во времена, кои отцы наши именуют допотопными...

Затем хозяин спросил гостя, когда он родился, и, получив ответ о том, под какой датой тот вписан в приходскую книгу, сказал:

– Я должен составить гороскоп о тебе, посиди пока.

И углубился в свои книги и таблицы. Примерно через час он поднял голову от бумаг и заговорил:

– День, названный тобой, не твой, не истинный, однако все равно судьба твоя ясна – она будет значительна. Ты покинешь Россию в тот год, когда меня не станет, и вернешься, когда произойдут перемены в правлении. Ты достигнешь высот познаний. Но для этого тебе необходимо учение. И вовсе не то, что преподается в Греко-латинской академии... Я попрошу моего ученика, Артемия Волынского, обратить на тебя внимание. Твой талант, я чувую, велик и необычен. Но ему необходима огранка, дабы мог ты послужить России. Ибо подобного тебе я лично знаю только одного – мурзу Тевкелева, который еще у Петра был толмачом, а сейчас обретается в Оренбургской экспедиции у Кириллова. Но его дар идет с востока, из древних дебрей монгольских, из темных кругов Чингисхана. Твой же – иного происхождения. Я читывал, что древние князья Севера, правившие еще до русских, имели иногда такой дар... Ладно, я теперь буду иметь тебя в виду.

– Дозволит ли господин граф заниматься в его библиотеке? – спросил Лодья.

– Не только дозволю, но и подберу книги, с которыми тебе надлежит ознакомиться. Однако далеко не все, что тебе нужно, есть у меня. Тебе надо будет побывать в библиотеке Киевской академии, с которой довелось мне познакомиться во время Полтавской кампании. Там с литовских времен хранятся некоторые книги, на прочтение которых я выпишу тебе особое дозволение, ибо хранятся они там под большим спудом, а не то знаменитые киевские ведьмы, узнав их, пожалуй, сделались бы вдвое сильнее...

Глава 12. Киев

В отзыве руководителя Греко-латинской академии, адресованном высшим властям, говорилось о необычайной усидчивости, работоспособности и многочисленных талантах нового ученика. Вместе с тем архимандрит Концевич отмечал некоторое вольнодумство Гавриила, его своеволие и некие неясные устремления, которые ставили его особняком от остальных учеников. За сим, подчеркнув окончание светской программы московской академии, он предлагал отправить Лодью для продолжения образования в академию Киево-Могилянскую, старейшее русское учебное заведение, благополучно пережившее польские гонения на все, связанное с русским именем и православием. И Гавриил поехал далее на юг – в Киев.

В ту пору расположенный на кручах на правом берегу полноводного Днепра Киев уже давно перестал быть метрополией Русского государства, какой являлся во времена первых великих князей. После татарского погрома древний город мучительно долго возрождался из руин, потом попал под власть литовских князей, а после возведения на польский трон литовского князя Владислава Ягайло и принятия польско-литовской унии оказался в пределах нового государства – Речи Посполитой. Однако не прошло и ста лет, как жесткая политика колонизации, а затем ослабление королевской власти привели к восстанию Хмельницкого, страшной гражданской войне и очередной битве России с Польшей. Киев отошел к Москве. Но правобережье Днепра осталось под польским владычеством. И вот уже восемьдесят лет, как древний русский стольный град находился всего в двадцати верстах от рубежей Речи Посполитой. Нынче это был важный торговый и культурный центр, лежавший на окраине Российской империи, в котором с прежних времен еще проживало немало поляков.

Киево-Могилянская академия, куда послали Лодью, была создана за сто лет до того, в разгар Тридцатилетней войны, когда поляки поняли, что подавление, насильственная колонизация и принуждение к униатству православного населения ни к чему хорошему не приведут, в чем их убедило недавнее восстание Наливайко. Тогда и решили они, что лучше позволить украинской шляхте получать православное образование и иметь от нее помощь, нежели обрести в такое трудное время, да еще и в тылу, обозленного неприятеля.

Академия была основана православным митрополитом Киевским и Галицким Петром Могилой, который оживил православное служение во всех церквях киевских. Вместе с тем, был этот митрополит константинопольского патриархата не ревнителем чистого православия, но тем, кто искал согласия с польской властью и униатами. К тому же Могила являлся не только знаменитым богословом, но и великим чернокнижником, что вовсе не случайно. Ибо отец его до бегства в Польшу был господарем Валахии, где не исчезало темное колдовство со времен знаменитого князя Влада Дракулы, правившего этим княжеством еще за полтора столетия до того. И сии качества немало споспешествовали влиянию Могила на нового короля Владислава, которому он помог утвердиться на престоле, обеспечив поддержку и православных подданных, и некоторых других сил, не столь преданных христианской вере, да и какой-либо иной. С другой же стороны, в его епархию входили запорожские степи, где еще жило в заросших кустарником балках кровавое колдовство древних скифов, народа оборотней. Говорят, что именно начиная с него особенно распространилось колдовство в Киеве.

Упомянутая академия располагалась в старом здании Братской школы над Днепром, у Контрактовой площади, между Подолом и Киево-Печерской лаврой, от которой ее отделяла Крещатицкая ложбина, тогда еще малозаселенная. В полутора верстах на запад высилась Святая София, возведенная при князе Ярославе Мудром. Вот в это примечательное место и прибыл Гавриил.

Следует отметить, что Киево-Могилянская академия во все эпохи свято блюла заветы Петра Могилы. В польские времена она подготовила многих талантливых православных людей для короны Речи Посполитой, которые отлично показали себя на войне Хмельницкого с поляками. В этой гражданской сваре они равномерно участвовали с обеих сторон, и ратная слава одних перекрывалась кровавыми подвигами других. Надо сказать, что многие воины получили закалку еще в Тридцатилетней войне, в войне с турками, в войне с русскими и в других сражениях той эпохи.

Хотя главные вожди, оспаривавшие власть над Украиной, окончили иное заведение – иезуитский колледж во Львове. То были Богдан Хмельницкий и Иеремия Вишневецкий, планы которого стать польским королем сорвало восстание. За то отплатил Иеремия казакам страшным разгромом их войска под Берестечком летом 1651 года. Только, видно, не малой ценой была куплена та кровавая месть – спустя месяц он скончался в своем лагере без видимой причины – будто кто-то пришел за отданной в заклад душой.

Ну а после Переяславской рады 1654 года, в тяжкое время разделения, когда Украину пересекала граница, проходившая в двадцати верстах от Киева, академия сделалась дополнительным окном в Европу с ее европейскими науками и чернокнижием. Неслучайно в России только учеба в этой академии делала человека полноправным членом как церковной иерархии, так и сообщества чернокнижников...

Итак, Лодья сделался студюзусом академии, число учащихся которой в это время доходило до тысячи двухсот человек. Учеба в древнем Киеве показалась весьма привлекательной даровитому северянину. Впрочем, не часто он посещал лекции тамошних профессоров, предпочитая посвящать время чтению старинных книг и инкунабул, находившихся в наглухо запертых хранилищах в подвалах Академии. Однако только смутными намеками упоминается в позднейших письменных источниках, какие именно области старинного знания привлекали его. В частности, о самых запретных томах, на которых стояло факсимиле Влада Дракулы, пожертвованных академии князем Иеремией Вишневецким, двоюродным племянником Петра Могилы.

Именно из хранящейся в Академии древней летописи узнал Лодья странную историю о полоцком князе-оборотне Всеславе, которому в XI веке удалось занять Киевский престол. Эта история почему-то заинтересовала его, и он ее законспектировал.

В целом же следует отметить, что атмосфера древнего, живописного, южного – по сравнению с его родными местами – города, по-видимому, пагубно влияла на усидчивость двадцатидвухлетнего студента. Часто видели его стоящим на киевских кручах и озирающим широкую долину Днепра. Видели его и в других местах.

Однажды вечером в кабаке «Золоте барильце»⁷ на Подоле собралось, как обычно, много посетителей, и дым стоял коромыслом. Тут были и чумаки, и школяры, и заезжие крестьяне, и мещане – кого только не было. Кабак большой, и места в нем всем хватало. Внезапно в дверях показалась чернобровая молодка в красивом платье, с роскошной темной косой, обмотанной вокруг головы наподобие короны. В руках она держала мешок, из которого высывалась усатая кошачья голова.

Весь народ в кабаке моментально притих. «Босорка! Ведьма!» – шепот, точно верховое пламя, пронесся по скоплению людей.

Босоркун – было у древних славян имя горного духа, вызывавшего ветер и летавшего с ним незримо. Он приносил засуху и болезни. Особенно вредил он людям в ночь на Ивана Купалу. Вот в честь него, видно, и прозвали молодку за вредность и злонравие, потому как пользы людям от нее было не больше. Впрочем, венгры, в старину завоевавшие славянские земли, старую ведьму так и называют – босоркань.

⁷ Золотой бочонок.

Не обращая внимания на присутствующих, она уселась на лучшем месте.

– Ну-ка, кабатчик! Вина мне и молочка коту! – приказала она в наступившей тишине.

Кабатчик тут же принес глиняный глечик с вином, оловянную кружку и поставил на стол перед гостьей. А коту пододвинул блюдце с молоком. Кот вылез из мешка и стал лакать. Девица тоже пригубила вино.

– Что-то кислое оно у тебя, не веселит! – сказала она, опустошив пару кружек и блестя хмельными глазами. – Веселья хочу! Пляски хочу!

Она вскочила, щелкнула пальцами, притопнула каблуками, разлетелся подол.

– Пляшите все! Да с мордобоем!

Она захохотала визгливо и вновь опустилась на сиденье. А все присутствующие поднялись разом на ноги и, как замороженные – впрочем, слово «как» здесь неуместно, – принялись выплясывать, кто как мог. А затем то один другому в морду заедет, то другой по загривку саданет – танец перерастал в драку. Никто не остался в стороне!

Веселившаяся ведьма вдруг увидела на противоположном конце зала широкоплечего светловолосого и синеглазого парубка, спокойно сидевшего за столом. Он пил пиво и с интересом наблюдал за развитием событий.

– А ты кто такой? А ну, пляши! – крикнула молодая ведьма незнакомцу и снова щелкнула пальцами.

Но он продолжал сидеть, как ни в чем не бывало, и дуть пиво, как будто не на его голову обрушилось колдовство.

– Тихо! – крикнула ведьма, притопнув каблучком.

Все танцевавшие и дравшиеся остановились как вкопанные и стали оглядываться, приходя в себя и силясь понять, чего это они такое тут творили?!

– Ты кто такой?! – крикнула ведьма голубоглазому незнакомцу и подскочила к нему.

– Я нездешний, – отвечал он, разглядывая ладную фигуру ведьмы.

– Москаль?

– Студент.

– Не боишься меня? – слегка наклонилась она и вперила взгляд зеленых глаз в его синие очи.

– Нет.

– Тогда приходи сегодня в полночь на Лысую гору. Покумимся. Придешь?

– Приду, – ответил он спокойно.

– Ну, так жду тебя!

Ведьма захохотала и, подхватив кота, исчезла из кабака. Радовалась, наверное, что получила еще одну крещеную душу в свое распоряжение.

Золотой бочонок.

Глава 13. Лысая гора

Надо сказать, то, о чем рассказывал писатель Н. В. Гоголь уже в XIX веке, в своей фантазии «Вий», разумеется, является лишь отдаленным выражением атмосферы ужаса перед сверхъестественным, которая царила в тогдашнем Киеве. Прежде всего, следует заметить, что действительность была подчас намного разнообразнее и страшнее, чем сюжет этой повести. Самые жуткие события той поры не сохранились в изложении свидетелей, поскольку поведать о них было уже некому.

Песчанистая Лысая гора располагалась ниже по Днепру, примерно в восьми верстах к югу от Академии, окруженная речкой Лыбедью. В те времена редкий киевлянин решился бы в ночное время подняться на Лысую гору, где обитали злобные духи викингов, отчаянно резавшихся там в Олеговы времена, и которую поэтому еще со времен литовских князей облюбовали ведьмы, колдуны и иные поклонники нечистого. Ряды последних весьма умножились после того, как менее четверти века тому назад Петр Великий, за компанию со шведским королем Карлом XII, пролил на этой земле целые реки людской крови, доставив обильную трапезу духам зла. Тот, кто по глупости или на спор решался подняться туда во тьме, не возвращался живым. Нередко поздним вечером загорались на ее верхушке дьявольские зеленые огни, и слышалась странная визгливая музыка, приносимая порывами холодного ветра, и значит, происходил там ведьминский шабаш.

Тогда не только добропорядочные мещане, но и отпетые душегубы, и прочая людская сволочь старались обойти стороной зловещую гору.

Туда-то и направил свои стопы Гавриил Лодья в полуночную пору. Он прошел населенные места, и огоньки в хатах на окраине становились все реже. Впереди поднималась темная громада Лысой горы, на вершине которой плясал хоровод зеленоватых огней... Лодья продирался сквозь кустарник, взбираясь туда, откуда все яснее доносились визг и гуденье сопелок, бабьи вопли, утробный хохот и рев. Наконец он оказался на плоской вершине, представлявшей собою утрамбованную бесчисленными плясками плешь. Здесь, рассыпая искры, трещали и отсвечивали зеленоватым пламенем костры. Вокруг них вели хоровод десятка три баб разного возраста, от молодых до старых, толстые и тощие, кто в очипках, а кто и простоволосые. Громкий хохот свидетельствовал, что веселятся они от души. Тут же над костром кипел котел, должно быть, для похлебки. Среди баб мелькали темные фигуры – как видно, кавалеры ведьм. В стороне кривобокие музы́ки⁸ дудели в дудки и пищалки. А позади над всеми в кресле сидел кто-то громадный, одетый в медвежью шкуру.

⁸ Музыканты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.